

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Visto ho Toscana Lombordia, Romagna,
Quel Monte che divide, e quel che serra
Italia, e un mare e l'altro che la bagna
Ariosto, Satira III.

I.

Я былъ въ Венеціи. Стояли
Передо мной тюрьма... дворецъ...
И словно зданья выплывали
Изъ темныхъ водъ. Здѣсь свой вѣнецъ
Тысячелѣтье величаво
Въ наследство завѣщало намъ,
Здѣсь умирающая слава
Улыбку шлетъ тѣмъ временамъ,
Когда всѣ націи несмѣло
Смотрѣли съ трепетомъ кругомъ
На тѣ дворцы съ брылатымъ львомъ,
Когда Венеція сидѣла
Царицею ста острововъ,
Гдѣ царскій тронъ ей былъ готовъ.

II.

Она являлася Сибелой
Съ тiarою среди вудрей,
Съ осанкой царскою и смѣлой,

Богиней гордою морей.
 Всѣхъ дочерей ея придаными
 Востокъ богатый награждалъ
 И перлы ей дождемъ неожиданнымъ
 Онъ на колѣни высыпалъ.
 Она подъ пурпуромъ блистала,
 Дивила роскошью весь міръ,
 Она къ себѣ на пышный пиръ
 Не разъ монарховъ созывала
 И каждый царь, какъ самъ народъ,
 Всегда цѣнилъ такой почетъ.

III.

Тамъ нынче смолкли пѣсни Тасса,
 Нѣтъ гондольеръ и нѣтъ пѣвцовъ,
 Кругомъ руинъ забытыхъ масса —
 Слѣды разрушенныхъ дворцовъ.
 Ихъ вѣкъ прошелъ, но и донинѣ
 Тамъ красота еще живетъ...
 Да, гибнуть царства и святыни,
 Искусство гаснетъ, — не умретъ
 Одна бессмертная природа.
 Венеція всегда была
 Ей дорога; она слыла
 Веселымъ мѣстомъ для народа.
 Она для міра — пышный багъ,
 Для итальянцевъ — карнавалъ.

IV.

Она донинѣ чтима нами,
 Но не за славу прежнихъ лѣтъ
 Съ ея великими тѣнями;
 Не дорогъ намъ величья слѣдъ
 Среди тѣхъ стѣнъ, гдѣ жили дожи....
 Иной трофеей для насъ дороже.
 Какъ все погибнуть онъ не могъ:
 Отелло, Пьеръ и жидъ Шейлокъ
 Уничтоженья не страшатся,
 Ихъ образъ вѣченъ и могучъ;
 Они — подъ сводомъ арки влечуть,

И ими будетъ оживляться,
Лишь ихъ присутствіемъ сильна,
Та опустѣвшая страна.

V.

Созданья мысли — заслужили
Свое безсмертье. Тѣни ихъ
Своимъ сіяньемъ озарили
Существованіе другихъ.
Тамъ, гдѣ судьба намъ жизнь мутила,
Подъ гнетомъ рабства, смерти, зла,
Тамъ гениальной мысли сила
Мирить насъ съ жизнью могла.
Все ненавидимое нами
Она преслѣдуетъ, казнить,
Сердца надеждою живить
И населяетъ ихъ мечтами
И насаждаетъ вновь цвѣты
Среди сердечной пустоты.

VI.

Созданья мысли гениальной!
Въ нихъ вѣрить юноша привыкъ
И съ ними свой удѣлъ печальный
Всегда бодрѣй несетъ старикъ.
О, сколько гѣсенъ вдохновенъ
Родить въ часы уединенья!...
Но и дѣйствительность порой
Фантазію съ ея игрой
Собою рѣзко затемняетъ.
Есть образы — ихъ красоты
Создать не могутъ и мечты,
Воображенъе ихъ не знаетъ
И имъ подобный идеалъ
Еще поэтъ не создавалъ.

VII.

Я видѣлъ прежде ихъ. — во снахъ ли,
Иль на яву, — не знаю я.
Они неожиданно прилетѣли

И сномъ исчезли отъ меня.
 Я ихъ теперь считаю снами,
 Я-бъ снова могъ, когда-бъ хотѣлъ
 Смѣнить ихъ новыми мечтами,
 Рой новыхъ грезъ созвать умѣлъ,
 Но, богъ ужъ съ ними! Умъ холодный
 И отрезвѣвшій отъ потерь
 Привыкъ преслѣдовать теперь
 Мечты фантази свободной;
 Иныя думы въ немъ кипятъ,
 Иные образы манятъ.

VIII.

Въ странахъ чужихъ я былъ какъ дома,
 Усвоилъ я чужой языкъ.
 Умамъ свободнымъ незнакома
 Тоска по родинѣ: привыкъ
 Ее отыскивать я всюду;
 А между тѣмъ я не забуду,
 Что я родился въ той странѣ,
 Которой можно-бъ было мнѣ
 Гордиться смѣло. Для чего же
 Я бросилъ островъ, гдѣ найдутъ
 Свобода, умъ себѣ приютъ,
 И жизнь усталую тревожа,
 Средь новыхъ странъ пошелъ опять
 Отчизну новую искать?

IX.

Любилъ я родину, быть можетъ,
 И если прахъ остывшій мой
 Въ чужой землѣ въ могилу сложать,
 Мой духъ вернется въ край родной,
 Къ мѣстамъ знакомымъ и любимымъ,
 Надѣюсь я: въ родной странѣ,
 На языкъ моемъ родимомъ
 Потомки вспомнятъ обо мнѣ;
 Но если я лишусь права
 Участья ждаты отъ земляковъ,
 И если жребій мой таковъ,

И если такъ минутна слава,
 Не баловавшая меня,
 И если счастье, измѣня, —

X.

Не дасть мнѣ мѣста въ славномъ храмѣ,
 Гдѣ чтить народъ своихъ пѣвцовъ,
 То пусть вѣнчаетъ онъ вѣнками
 Чело достойныхъ мертвецовъ,
 Ко мнѣ-жъ слова примѣнить эти,
 Что „въ славной Спартѣ были дѣти
 Его достойнѣй“....*) Никакой
 Не надо мнѣ любви людской!..
 Всѣ тѣ шипы, что я собираю,
 Я самъ взлелѣялъ и взростилъ,
 И тихо кровью истекаю.
 Понять я долженъ былъ впередъ:
 Каковъ посѣвъ — таковъ и плодъ.

XI.

Теперь оплакала супруга
 Ты, Адриатика — вдова;
 Бракъ ежегодный — праздникъ юга —
 Не повторяется. Хоть льва
 Святаго Марка и донынѣ
 На площади встрѣчаетъ взоръ,
 Но онъ стоитъ ужъ безъ гордыни,
 Какъ-бы понявши свой позоръ
 Въ мѣстахъ, гдѣ прежде унижались
 Владыки гордые земли,
 Монархи съ завистію шли
 И предъ Венеціей склонялись;
 Когда невѣстою она
 Была богата и сильна.

XII

.....

 И гнетъ оковъ кругомъ сковался
 Свободной жизни городской...

*) Это былъ отвѣтъ матери Бразидала, македонскаго полководца, тѣмъ, которые передъ нею восхваляли ея сына.

Едва лишь страны достигаютъ
 До одуряющихъ высотъ,
 Гдѣ ихъ величье славы ждетъ,
 И—съ высоты они спадаютъ,
 Какъ грозной лавины обвалъ,
 Когда она летитъ со скалъ...
 О, если-бы явилась снова
 Даноло тѣнь, того слѣпаго,
 Который старцемъ страшень былъ
 И Византию побѣдилъ.

XIII.

Предъ площадью св. Марка
 Изъ бронзы лошади стоятъ,
 Еще блестя на солнцѣ ярко,
 И ихъ ошейники горятъ.
 Но Дорій правъ былъ: въ наши годы
 Тѣ кони взнузданы... Гдѣ-жъ слѣдъ
 Тринадцати вѣковъ свободы?
 Былой Венеціи ужъ нѣтъ;
 Она погибла тамъ, гдѣ встала,
 Морской травой въ морской волнѣ...
 О, лучше-бъ въ водной глубинѣ
 Иль подъ землей ты смерть узнала,
 Чѣмъ покупать среди оковъ
 Покой постыдный у враговъ.

XIV.

Какъ новый Тиръ-жила ты славой;
 Съ побѣднымъ именемъ твоимъ
 Носилась ты въ борьбѣ кровавой
 Грозою націямъ чужимъ;
 Всегда свободная, умѣла
 Всѣхъ обращать кругомъ въ рабовъ
 И берегла Европу смѣло
 Отъ мусульманъ—ея враговъ...
 О, волны вѣчныя, возстаньте
 Почтить минувшіе года,
 Героевъ подвиги, когда
 Случилась битва при Лепантѣ:

Ихъ дѣлъ не истребить вѣве:
Иль хищныхъ деспотовъ рука...

XV.

Рядъ гордыхъ дождей въ прахъ разбился;
Въ гробницахъ тлѣютъ ихъ сердца,
Лишь только остовъ сохранился
Великолѣпнаго дворца.
Разбитый скиптръ и мечъ ихъ ржавый
Для чужестранца сталъ забавой.
О, кто-бъ Венецію узналъ:
Чужія лица, арки зыгъ
Пустыхъ, на улицахъ не людно...
Когда припомнить о быломъ
Съ его величьемъ, торжествомъ—
Венецианцу будетъ трудно
Своихъ гонителей любить
И нго тяжкое сносить.

XVI.

Былъ страшный бой при Сиракузахъ
И шель въ цѣпяхъ аѳинскій станъ,
Тогда Аттическая муза
Пришла къ спасенью аѳинянь;
Печальный гимнъ—былъ примиритель,
Пронесся пѣсни грустной звукъ
И побѣжденный побѣдитель
Роняетъ грозный мечъ изъ рукъ.
Онъ цѣпи плѣнныхъ разрываетъ,
Великодушный до конца,
И вдохновеннаго пѣвца
Благодарить ихъ заставляетъ:
Пѣвецъ напѣвомъ чудныхъ стробъ
Освободилъ ихъ отъ оковъ.

XVII.

Венеція! И ты когда-то
Могла того же ожидать
И пѣсни славнаго Торквато
Должны бы цѣпь съ тебя сорвать

И иго прошлаго тирана.
 Твоя судьба — народамъ стыдъ;
 Стыдъ ей, царицѣ океана,
 Стыдъ Англїи: она глядитъ,
 Какъ погибають моря дѣти,
 Не подавая имъ руки!..
 О, Англїя! Пусть велики
 Твои владѣнія на свѣтѣ,
 Но и тебя, быть можетъ, ждетъ
 Паденье то же, тотъ-же гнетъ.

XVIII.

Волшебный городъ! Порывался
 Къ тебѣ я много лѣтъ назадъ.
 Ты въ морѣ синемъ поднимался
 Какъ рядъ кристальныхъ колоннадъ;
 Твой образъ мнѣ обрисовали
 Радклифъ и Шиллеръ и Шекспиръ...
 О, пусть оплакалъ ты въ печали
 Свой обезславленный кумиръ,
 Но и теперь мнѣ дорога ты —
 Венеція! Дороже ты
 Въ обломкахъ прошлой красоты...
 Твои дворцы, твои палаты,
 Какъ монументъ прошедшихъ лѣтъ,
 Оставили безсмертный слѣдъ.

XIX.

Я населять умѣю снова
 Ее тѣнями прошлыхъ дней,
 Но и безъ помощи былого
 Я и теперь встрѣчаю въ ней
 Не мало новыхъ наслажденій
 Для думъ мучительныхъ, для глазъ
 И для высокихъ вдохновеній,
 Меня смущавшихъ тамъ не разъ.
 Мѣста Венеціи прекрасной!
 О, я провелъ не мало тутъ
 Счастливыхъ дней, святыхъ минутъ...
 Есть чувства, — пыткой ужасной

Нельзя ихъ вырвать изъ души:
Такъ эти чувства хороши.

XX.

Такъ на утесахъ вырастаетъ
Свободно гордая сосна,
На почвѣ каменной пускаетъ
Тамъ корни крѣпкіе она.
Альпійскій вѣтеръ, бури съ ревомъ
Надъ ней проносятся, порой,
Она-жъ въ величїи суровомъ
Ихъ потѣшается игрой,
Широко вѣтви разрастали.
И вотъ, подъ хохотъ бурь и грозъ,
Явилось дерево колосъъ
Тамъ на гранитномъ пьедесталѣ;
Такъ точно мысль людей растетъ
И наконецъ рождаетъ плодъ.

XXI.

Жизнь можетъ долго протянуться
И всѣ страданія земли
Корнями въ сердца разрастутся.
Подъ тяжелой ношею, въ пыли
Идетъ верблюдъ въ степи безводной
И издыхаетъ волкъ голодный
Безмолвно. Вотъ для насъ урокъ:
Ужъ если звѣрь ничтожный могъ
Безъ жалобъ вынести страданья,
То долженъ съ гордостью страдать
И о страданїи молчать
Ты, человѣкъ—внѣцъ созданья.
Всѣ муки жизненныхъ тревогъ
Всегда даются намъ на срокъ.

XXII.

Страданья насъ или разрушаютъ,
Или разрушаются. Одни,
Въ комъ силы юности играютъ,
Живутъ не падая: они,

Мужая, вновь иду́ть на дѣло;
 Другіе робко и несмѣло
 До срока падаютъ въ борьбу,
 Покорные своей судьбѣ.
 Иные-жъ, ринувшись въ движеніе,
 Къ себѣ опорой зовутъ—
 Войну, науку, церковь, трудъ,
 Добро и даже преступленіе.
 Кто что поищетъ—то найдетъ:
 Инымъ позоръ, инымъ почетъ.

XXIII.

Но муки вѣчныя, безъ стона
 Надолго сдержанныя въ насъ,
 Какъ боль отъ жала скорпіона,
 Къ намъ возвращаются не разъ.
 Одинъ намекъ, пустое слово
 Странанье старое вернетъ
 Съ прошедшей горечью и снова
 Больное сердце загрызетъ.
 Звукъ, нота гдѣни музыкальной,
 Июльскій вечеръ, ночь, луна,
 Букетъ цвѣтовъ, весирь, волна,
 Веселый видъ и видъ печальный —
 Все можетъ рану въ насъ раскрыть
 И скорби цѣпь зашевелить.

XXIV.

Кто мысль слѣдилъ въ ея полетѣ?
 То быстрой молніи полетъ.
 —Всегда сильна, всегда въ работѣ
 Она не разъ насъ потрясетъ
 Сильнѣй громоваго удара,
 Оставивъ сзади ядъ угара;
 Она, смущая въ насъ умы,
 Выводитъ призраки изъ тьмы
 И никакія заклинанья
 Не могутъ прочь ихъ отогнать;
 Они приходятъ въ насъ опять
 Любви угасшей упованья,

Сердца умершихъ давно:
Имъ право жизни вновь дано.

XXV.

Но возвращусь съ своей кручиной
Туда, гдѣ съ думой я бродилъ
Среди руинъ живой руиной,
Какъ привидѣнье межъ могилъ,
Гдѣ подъ землей почилъ сила
И рядъ имперій, гдѣ сильна
Была великая страна,
Гдѣ и *теперь* ее шадилъ
Природа нѣжная рука
И ей щедроты расточаетъ.
Прошедшимъ блескомъ велика
Она и нынче сохраняетъ
Инаго времени черты, —
Нетлѣнность вѣчной красоты.

XXVI.

Республика... героя Рима...
Италія—вселенной садъ!
Самой природой ты хранима,
Искусства—твой священный кладъ.
Ты всѣхъ удивишь еще понинѣ
Безсмертной прелестью своей
Вездѣ, и даже и въ пустынѣ
Твоихъ забытыхъ пустырей.
Ты велика въ своемъ паденнѣ
И эти славныя мѣста
Не покидала красота,
Когда свершилось разрушенье.
Его зловѣщее крыло
Тебя коснуться не могло.

XXVII.

Взошла луна, но ночь не смѣла
Еще сойти. Въ лучахъ зари
Все небо синее агло...
Тамъ дальше,—путникъ, посмотри,—

Тамъ будто моремъ славы залитъ
 Рядъ голубыхъ Фриульскихъ горъ;
 Мракъ тучъ свинцевыхъ не печалитъ
 Небесъ открывшійся просторъ.
 Весь западъ красками пылаетъ
 И день спѣшитъ на ложе сна,
 А тамъ серпомъ взошла луна
 И на востокъ выплываетъ
 И въ этотъ дивный край чудесъ
 Глядитъ съ улыбкою съ небесъ.

XXVIII.

Одна звѣзда съ луною рядомъ
 Надъ небомъ ласковымъ царитъ...
 Вотъ свѣтъ лучистымъ водопадомъ
 Верхушки горъ покрылъ; спѣшитъ
 День съ темной ночью состязаться,
 Пока въ борьбѣ не изнемогъ,
 И въ Брентѣ стали отражаться,
 Переинаясь въ краткій срокъ,
 Цвѣта румяно-нѣжной розы,
 Окрасивъ струйки тихихъ водъ,
 И голубой небесный сводъ
 Съ тѣнями легкими, какъ грезы,
 И отражалась въ ней, горя,
 Съ небесъ вечерняя заря,

XXIX.

И солнца яркій лучъ прощальный,
 Дня улетавшаго привѣтъ,
 И пурпуръ запада и дальній
 Звѣздъ золотистый, теплый свѣтъ.
 Но вотъ на горы тѣнь ложится,
 День умираетъ. Такъ, порой,
 Дельфинъ предъ смертью шевелится
 И каждый разъ иной игрой
 Цвѣтовъ различныхъ онъ сверкаетъ;
 Когда-жъ кончаетъ жизнь дельфинъ,
 Тогда бываетъ мигъ одинъ
 Онъ краснымъ цвѣтомъ заиграетъ,

Но смерть придетъ, застынетъ кровь,
Тогда онъ сѣрымъ станетъ вновь.

XXX.

Въ Аркуѣ есть одна могила,
Въ ней въ саркофагѣ опочилъ
Пѣвецъ Лауры и уныло
Къ гробницѣ странникъ приходилъ,
Чтобъ тамъ почтить пѣвца страданья
Онъ первый высказалъ протестъ
И бросилъ крикъ негодованья
На рабскій гнетъ родимыхъ мѣстъ
И на враговъ родного края.
Онъ вмѣстѣ съ Музою рыдалъ,
Слезами землю орошалъ,
Лауры имя повторяя
И въ пѣснѣ, плача и любя,
Онъ создалъ славу для себя.

XXXI.

Его въ Аркуѣ схоронили
Въ деревнѣ, брошенной межъ горъ;
Здѣсь дни поэта проходили,
Здѣсь умеръ онъ и съ этихъ поръ
Гордится этимъ сельскій житель,
(И гордость та честна волюнъ)
Когда-жъ завязій посѣтитель
Пройдетъ по горной той странѣ,
На знаменитую могилу,
Ему укажутъ гордо тамъ:
Она идетъ къ его стихамъ
И обаятельную силу
Въ себѣ имѣетъ, хоть надъ ней
И не поставленъ мавзолей.

XXXII.

Онъ жилъ здѣсь въ хижинѣ. Казалось,
Она построена для тѣхъ,
Которымъ жизнь лишь улыбалась
Въ уединеніи отъ всѣхъ,

Въ густой тѣни холмовъ зеленыхъ,
 Вдали отъ пышныхъ городовъ,
 Безумнымъ шумомъ оживленныхъ;
 Ихъ блескъ не манить изъ садовъ,
 Изъ тишины не вызываетъ...
 Вокругъ все ярко и свѣтло...
 Здѣсь солнце свѣтитъ такъ тепло
 И столько счастья разливаетъ,
 Что не захочется опять
 Блаженства новаго искать.

XXXIII.

Вкругъ солнце льетъ потоки свѣта
 На зелень листьевъ и цвѣты...
 Его лучами все согрѣто...
 О, счастье! здѣсь понятно ты!
 Здѣсь жизнь пройдетъ, какъ сонъ пріятный...
 Покой и лѣнь въ нѣмой глуши...
 Но въ этой лѣни благодатной
 Окрѣпнетъ умъ и мощь души.
 Да, если люди научаютъ
 Насъ жизнь земную признавать,
 То мы умѣемъ умирать
 Въ уединеньи: не мѣшаетъ
 Тщеславье грезамъ и мечтамъ;
 Борись одинъ съ судьбою тамъ—

XXXIV.

Иль съ тайнымъ бѣсомъ, что тревожитъ
 Мысль чловѣка безъ конца
 И жертвой дѣлаетъ и гложетъ
 Всегда печальныя сердца
 Тѣхъ, чья душа со дня рожденья
 Привыкла къ мраку, къ тишинѣ;
 Ихъ роковое назначенье:
 Страдать и въ жизни и во снѣ;
 Имъ солнце кажется кровавымъ,
 Земля—могилой; ихъ страшатъ
 Смерть и могила словно адъ.
 Страдальцы бѣдные! Всегда вамъ

Страшнѣй казался самый адъ,
Зловѣщей тьмой кругомъ объятъ.

XXXV.

Бродя по улицамъ Феррары,
Поросшимъ дикою травой,
Глядишь съ поникшей головой.
Увы! проклятiя удары
Надъ древнимъ городомъ лежатъ,
Гдѣ прежде царствовала слава

.
.
.
.
.
.
.
.

XXXVI.

И Тассъ былъ славой ихъ когда-то.
Прислушайтесь къ стихамъ пѣвца
И въ келью скромную Торквато
Войдемъ: онъ жилъ здѣсь до конца.
Альфонсъ отвелъ жилище это,
. Онъ хотѣлъ
Смирить великаго поэта
И окружить его умѣлъ
Безумцами и адомъ новымъ,
Жизнь съ тайной злобой отравлялъ,
Но лучъ безсмертья засіялъ
Надъ тѣмъ челомъ въ вѣнѣхъ лавровомъ,
Разсѣявъ массу облаковъ.—
И славнымъ именемъ вѣковъ —

XXXVII.

Торквато имя намъ осталось.
Межъ тѣмъ Альфонсъ, ты-бъ былъ забытъ,
Твое бы имя затерялось,
Когда-бъ твой гнусный, тяжкій стыдъ

Не связанъ былъ съ судьбой поэта.
 Нѣтъ, будутъ долго проминать
 Тебя съ презрѣнiемъ за это.
 Альфонсъ! ты не умѣлъ блистать,
 Твое величье въ прахъ разбилось
 И если-бы въ быту другомъ
 Ты родился, тогда-бъ рабомъ
 Назвать тебя судьба стыдилась,
 Рабомъ того, кого ты гналъ,
 Кто отъ руки твоей страдалъ.

XXXVIII.

Ты жилъ, чтобъ вѣсть, сносить презрѣнье,
 И умеръ смертію скота,
 Вдругъ околѣвшаго въ забвеньи;
 Межъ вами разница лишь та,
 Что ты пышный имѣлъ корыто
 И хлѣвъ обширнѣе имѣлъ.
 А онъ?—Чело его покрыто
 Вѣнцомъ лучей; вѣнецъ горѣлъ
 На немъ въ виду враговъ презрѣнныхъ,
 И зависть мелочная ихъ
 Встрѣчала съ злобой каждый стихъ,
 Звукъ каждый пѣсенъ вдохновенныхъ,
 Стыдившихъ смѣло до конца
 Труды бездарнаго пѣвца.

XXXIX.

Тѣнь оскорбленная Торквато!..
 О, миръ съ тобой!.. Пѣвецъ сгорѣлъ,
 Злость ядовитая собрата
 Въ него бросала тучи стрѣлъ,
 Хотя его не уязвляла.
 Онъ—побѣдитель. Каждый годъ
 Толпа повтовъ въ миръ идетъ,
 Но гениевъ межъ ними мало;
 Ихъ ждемъ мы цѣлые вѣка,
 И если-бъ блескъ всѣхъ миръ сливался
 Въ сіянье одного вѣка—
 Блескъ этотъ скоро-бъ миновался;

Пѣвцы создать бы не могли
Другаго солнца для земли

XI.

Онъ былъ великъ, но съ Тассомъ рядомъ
Еще два генія идутъ;
Они, какъ онъ, родились тутъ,
Но только раньше. Первый „Адомъ“
Себя прославилъ на землѣ,
Тосканецъ, съ мыслью на челѣ...
Другой—пѣвецъ его достойный,
Великій, гордый и спокойный,
Своимъ магическимъ жезломъ
Свѣтъ новый вызвалъ вдругъ для міра.
Онъ пѣлъ любовь, военный громъ
И раздавалась нѣжно лира,
И чудный слышался напѣвъ
Въ честь храбрыхъ рыцарей и дѣвъ.

XLI.

Гроза съ статуи Аріосто
Вѣнокъ желѣзный орвала
Изъ листьевъ лавра. Тутъ была
Права стихія. Очень просто:
Не тронетъ молнія вѣнца,
Сплетеннаго могучей славой;
Вѣнецъ искусственный пѣвца
Лишь могъ служить грозѣ забавой.
О, люди! помните одно,
Что здѣсь жалѣть намъ не пристадо:
То мѣсто ужъ освящено,
Гдѣ въ землю молнія упала,
И голова пѣвца вдвойнѣ
Священнѣй сдѣлалась странѣ.

XLII.

Италія! Ты овладѣла
Несчастливымъ даромъ красоты,
Но съ ней надѣла трауръ ты
И лишь страдать въ слезахъ умѣла.

Морщины муки и скорбей.
 Чело прекрасное покрыли
 И буквы огненные были
 Всегда въ исторіи твоей.
 О, Боже! Лучше-бъ ты осталась
 Не такъ прекрасна, но сильна:
 Тогда-бъ возстала вся страна
 И власть гонителей порвалась,
 Которымъ пить въ краю пришлось
 Лишь смѣсь изъ крови и изъ слезъ.

XLIII.

Тогда-бъ ты только устрашала
 И въ неизвѣстности жила,
 И красотою не смущала,
 И сожалѣнья не звала;
 Тогда-бъ толпой вооруженной
 Враги не шли съ альпійскихъ скалъ
 Испить воды окровавленной
 Изъ рѣчки По; тогда-бъ не сталъ
 Здѣсь сторожить твои предѣлы
 Иноплеменцевъ чуждый мечъ,
 И не бояся съ ними встрѣчь,
 Ты право ровное имѣла
 Быть у родимыхъ береговъ
 Рабой друзей, рабой враговъ.

XLIV.

Когда подъ вѣтромъ разсѣкала
 Равнину водъ моя ладья,
 Римлянинъ мудрый! Видѣлъ я
 Гдѣ проходилъ ты. (*) Здѣсь вставала
 Мегара прямо предо мной,
 А сзади—новая картина—
 Лежали: древняя Эгина,
 Пирей, Коринфъ... Влекошь волной,
 Смотрѣлъ я грустенъ и печаленъ,
 И мнѣ казалось, что они
 Стоять теперь, какъ и въ тѣ дни,
 Когда на груды ихъ развалилъ

*) См. знаменитое письмо Сервія Сульпиція къ Пизерону.

И историческихъ руинъ
Глядѣтъ другъ Тулія одинъ.

XLV.

Да, время ихъ не исправляло;
Лишь гнѣзда варваровъ росли
У древнихъ стѣнъ, что заставляло
Любить руины той земли
Еще сильнѣй. Смотрѣлъ Римлянинъ
На тѣ могилы городовъ
Ихъ прежней славой отуманенъ.
Теперь изъ всѣхъ его трудовъ
Одна страница намъ осталась
И въ ней есть нравственный урокъ,
Завѣщанный на долгій срокъ:
Въ немъ горько истина сказалась.
И этотъ памятникъ нѣмой
Теперь лежитъ передо мной.

XLVI.

Страницу эту чту я свято...
Развалины его страны
Причислить мы теперь должны
Къ тѣмъ павшимъ царствамъ, что когда-то
Онъ самъ оплакалъ. Остовъ ихъ
Донинѣ живъ несокрушимо
И Римъ... о, гдѣ-жъ величье Рима?
Онъ палъ во прахъ межъ стѣнъ своихъ,
Не стало больше великана.
Смерть, разрушеніе кругомъ...
Повѣсивъ голову, идемъ
Мы мимо павшаго титана,
Который въ пепель обращенъ,
Но и подъ пепломъ дышетъ онъ.

XLVII.

Италія! Твои страданья
Навѣрно будутъ жить вѣка.
Ты—мать искусствъ. Твоя рука

Насъ берегла, дала намъ знанья.
 Ты—мать религіи, чудесъ!
 Предъ ними націи склонялись,
 Ихъ руки рабски простирались,
 Чтобъ получить ключи небесъ.
 Въ отцеубійствѣ сознаваясь,
 Европа наша, можетъ быть,
 Придетъ тебя освободить
 И, варваровъ изгнать стараясь
 И покоривши ихъ въ борьбѣ,
 Найдеть прощеніе въ тебѣ.

XLVIII.

Но насъ инныя ждуть картины...
 Насъ Арно манитъ къ тѣмъ стѣнамъ
 Гдѣ вы, этрурскіе Афины,
 Достойны вызвать Фиміамъ.
 Амфитеатръ холмовъ зеленыхъ
 Родитъ и масло и вино;
 Рогъ изобилія всѣмъ равно
 Несетъ дары; въ струяхъ бессонныхъ
 Тамъ Арно весело бѣжитъ
 И край богатый и торговый
 Новѣйшей роскошью дивитъ,
 И тамъ воскресла съ силой новой
 Наука, спавшая во мглѣ
 Подъ смертнымъ саваномъ въ землѣ.

XLIX.

Тамъ бюстъ Венеры разливаешь
 Кругомъ блескъ дивной красоты
 И воздухъ ей благоухаетъ...
 Съ тебя покровъ упалъ и ты
 Стоишь, богиня! Въ удивленьи
 На эти формы мы глядимъ:
 Здѣсь челоуѣка вдохновенье
 Природу гениемъ своимъ
 Могло осилить. Преклоняясь,
 Мы падаемъ у дивныхъ ногъ.
 О, только гениі древнихъ могъ,

Красою древней вдохновляясь,
Такую статую создать,
Чтобъ все потомство поражать.

L.

И мы глядимъ, той красотою
Упоены, ослѣплены, —
Мечта смѣняется мечтою...
Искусства чары такъ сильны
И власть его не отразима...
О, нѣтъ, слова безсильны тутъ, —
(То шарлатановъ жалкій трудъ)
Оно въ слова неувовимо.
У насъ есть сердце, нервы, кровь,
У насъ одно есть только зрѣнье,
Черезъ нихъ понятна намъ любовь
И предъ прекраснымъ восхищенье;
Лишь только ими понятна
Богини дивной красота.

LI.

Скажи, въ такомъ-ли точно видѣ
Передъ Парисомъ стала ты?
О, тѣже-ль чистыя черты
Впервые богъ войны увидя,
Съ любовью палъ у дивныхъ ногъ?
Склонившись на твои колѣни,
Въ истомѣ сладострастной лѣни
Смотрѣлъ въ лицо влюбленный богъ.
А ты? съ румяныхъ устъ Венеры
Лобзанья лавою текли,
Съ блаженствомъ неба и земли
Лились безъ счету и безъ мѣры.
Ея лицо, рѣсницы, бровь —
Все выражало въ ней любовь.

LII.

Упоены любовью боги,
Порой и въ блескѣ божества
Не находя конца тревогъ,

Вдругъ на земныя существа
 Походятъ. Также есть мгновенья,
 Когда и люди на землѣ
 Лучъ божества и вдохновенья
 Носили гордо на челѣ,
 Пока не скрыла ихъ могила...
 Но есть видѣнья чудныхъ грезъ
 И имъ поспорить-бы пришлось
 Съ красою статуй; таже сила
 И тѣже формы, — только богъ
 Въ ту красоту облечь ихъ могъ.

LIII.

Пускай артисты и педанты
 И всѣ ученые шуты
 Покажутъ намъ свои таланты
 Въ изображеньи красоты;
 Пускай дадутъ намъ описанье
 Того, что трудно уловить,
 Но я бъ желалъ, чтобъ возмутить
 Не смѣло северное дыханье
 Струи, гдѣ дѣвственна, сильна
 Та красота отражена —
 Мечты свободной изваянье,
 На землю посланной съ небесъ
 Въ залогъ божественныхъ чудесъ.

LIV.

Въ предѣлахъ древнихъ Санта-Кроче
 Великія закрылись очи;
 Здѣсь прахъ безцѣнный опочилъ
 И пылъ его среди могилъ
 Есть ужъ безсмертье. Гроба двери
 Здѣсь дали мѣсто для костей
 Микель-Анжело, Альфіери;
 Здѣсь опочилъ ты, Галилей,
 Поклонникъ звѣздъ и другъ печали;
 Здѣсь смерть дала тебѣ постель
 Великій умъ — Макіавель...
 Тѣла великихъ пылью стали,

Они изъ праха въ міръ пришли
И стали прахомъ той земли.

LV.

Четыре генія могучи
Какъ и стихіи и опять
Могли бы новый міръ создать.
Италія! Сатурнъ изъ тучи
Твои одежды изорвалъ,
Но онъ тебѣ не отказалъ
Въ великихъ людяхъ. Ты въ паденьи
Еще полна благовѣнья;
Въ печальныхъ остовахъ равнинъ,
Среди развалинъ и руинъ
Лучемъ божественнаго свѣта
Еще доселѣ ты согрѣта
И геній тѣхъ былыхъ временъ
Теперь въ Кановѣ возроденъ.

LVI.

Но гдѣ же прахъ Петрарка, Данта?
Гдѣ прахъ Боккаччо лежитъ —
Почти имъ равнаго таланта?
Не видимъ ихъ могильныхъ плитъ,
Хотя до смерти и въ могилѣ
Имъ данъ особый былъ вѣнецъ.
Иль прахъ ихъ по вѣтру пустили?
Иль не нашелся тамъ рѣзецъ,
Чтобъ въ мраморѣ ихъ бюсты оставить
И обезсмертить ихъ черты?
Каменоломни-ли пусты?
Иль позабыли ихъ прославить?
Иль ты Флоренція отъ нихъ
Вдругъ отреклась, какъ отъ чужихъ?

LVII.

Какъ Сципіонъ, спитъ Дантъ далеко
Отъ береговъ страны родной,
Гдѣ оскорбленъ онъ былъ жестоко

И изгнанъ дерево въ край иной,
 Пройдутъ вѣка и станутъ дѣти
 То имя свято обожать
 Съ смущенной совѣстью на свѣтъ...
 А тотъ вѣнецъ, что сталь сверкать
 Надъ головой Петрарка въ живнѣ
 Принадлежалъ чужой землѣ;
 Своимъ сіяньемъ на челѣ,
 Какъ и могилой, онъ отчизнѣ
 Былъ не обязанъ, ей чужой
 Всегда—и мертвый и живой.

LVIII.

Одинъ Боккачю, конечно,
 Въ родной землѣ похороненъ?
 И надъ собою слышитъ вѣчно
 Тосканы рѣчь сквозь смертный сонъ,
 Языкъ Тосканскій—пѣснь сирены,
 Гдѣ рѣчь есть музыка? О, нѣтъ,
 Исчезъ его могилы слѣдъ.
 Отъ тайной злобы и измѣны
 Рукой злодѣевъ хищныхъ онъ
 Могилы скромной былъ лишенъ;
 Имъ не хотѣлось въ тайной злобѣ,
 Чтобы на атомъ славномъ гробѣ
 Прохожій взоръ остановилъ
 И прахъ Боккачю почтилъ.

LIX.

Тѣхъ урнъ Флоренція не знаетъ,
 Но тѣмъ замѣтнѣе она.
 Такъ бюста Брута лишена
 Статуя Цезаря смущаетъ
 Римлянъ и ихъ великій сынъ
 На умъ приходитъ имъ одинъ.
 Ты больше счастлива Равенна!
 На берегу твоемъ почилъ
 Равно изгнанникъ вдохновенный;
 Аркуа также рядъ могилъ
 И бережетъ и сохраняетъ,—

Одна Флоренція не знаетъ
Своихъ изгнанниковъ и ждетъ
Вотъ—вотъ одинъ изъ нихъ придетъ.

LX.

Въ чему же мраморныя плиты,
Порфиръ и яшма и агать,
Гдѣ флорентинцами зарыты
Теперь ихъ герцоги лежать?
Трава среди холмовъ зеленыхъ,
Росой ночью окропленныхъ,—
Гдѣ скромно гени леги,
Чьи имена для всей земли
Есть мавзоль несокрушимый, —
Народъ ногой не оскорбитъ:
Трава могилъ священнѣй плитъ

.
.
.

LXI.

Но все жъ сюда стремятся взоры.
Здѣсь храмъ искусства; здѣсь рѣзецъ
Заводитъ съ живописью споры,
Здѣсь чудеса есть, наконецъ.
Но мнѣ они чужими стали;
Картинамъ древнихъ галлерей
Я измѣнилъ для синей дали,
Для красокъ неба и морей.
Я удивляюся искусству,
Но кровь оно не шевелитъ
И мало сердцу говорить
И говорить не много чувству;
Ему оружіе дано,
Но то оружіе холодно.

LXII.

Нѣтъ, въ дефилеяхъ Фразименскихъ,
Гдѣ римлянъ ждалъ кровавый бой,
Доволенъ больше я судьбой.

Здѣсь рядъ продѣлокъ карфагенскихъ
 Я словно вижу. Между горъ,
 Врага обманывая всюду,
 Они сошлись съ нимъ въ упоръ;
 Здѣсь храбрецы ваглись въ грудь
 И ихъ толпы являлись вновь;
 Потокъ проливалась кровь
 И рѣки кровью той алѣли,
 Равнины пышныя красѣли,
 Гдѣ наступалъ со всѣхъ сторонъ
 За легиономъ легионъ,

LXIII.

Какъ лѣсъ, низринутый вѣтрами.
 Такъ былъ силенъ той битвы жаръ,
 Что былъ неслышенъ межъ горами
 Землетрясенія ударъ;
 Никто не слышалъ колебанья
 Земли, отрывшей часть могилъ
 Для тѣхъ, кто палъ на щитъ безъ силъ.
 Такъ велико негодованье
 Людей во время ихъ рѣзни,
 Когда сражаются они,
 Такъ опьяняетъ часто злоба,
 Когда двѣ націи у гроба
 Сойдутся грозно межъ собой,
 Чтобы начать смертельный бой.

LXIV.

Для нихъ земля ладьей казалась.
 Они неслись куда нибудь...
 Предъ ними море отрывалось,
 Но не понятенъ былъ имъ путь,
 Не страшно имъ землетрясенье,
 Когда всѣ птицы вверхъ летятъ
 Искать послѣдняго спасенья
 Изъ гнѣздъ отброшены назадъ;
 Когда по нивѣ, сплываваясь,
 Бѣгутъ ревушія стада
 И гибнуть въ прпастяхъ, когда

Самъ человекъ, въ бѣдѣ терясь,
Стоитъ недвижимъ и безъ словъ,
Съ природой спорить не готовъ.

LXV.

Но Фразименъ теперь не страшень.
Спокойно озеро блестить,
И зелень тучныхъ нивъ и пашень
Плугъ селянина бороздить.
Деревья обросли корою,
Ужъ труповъ нѣтъ у ихъ корней,
И только маленькій ручей
Своимъ названіемъ— порою
Напомнитъ день кровавый тотъ;
Напоминаетъ Сангвинетто,
Что кровь людей и смертный потъ
Здѣсь орошали мѣсто это,
Играла пурпуромъ волна,
Отъ крови воиновъ красна.

LXVI.

А ты, Клитумнъ! Волной кристальной
Ласкаешь нѣжно ты наядъ
И въ глубинѣ твоей зеркальной
Онѣ ныряютъ и шалить;
Отъ волнъ твоихъ поля тучнѣютъ,
На нихъ пасется бѣлый мулъ
И воды свѣтлыя имѣютъ
Спокойный видъ. Военный гулъ,
Рѣзня тебя не осквернили,
Ты волны тихія катилъ
И только зеркаломъ служилъ,
Гдѣ отражать всегда любилъ
Свои прекрасныя черты
Богини юной красоты.

LXVII.

На берегу твоёмъ счастливомъ
Глядитъ простой, изящный храмъ

Съ высоту холма; внизу же тамъ
 Бѣжишь ты дарственно-лѣнивый.
 Лишь иногда по струйкамъ водъ
 Сверкнетъ чешуйчатая рыбка,
 Шалить, играетъ, вьется гибко
 И въ глубинѣ вдругъ пропадетъ.
 Порою, вѣжная лилея
 Скользитъ, покорная волнѣ,
 И дремлетъ, будто-бы во снѣ.
 Волна несетъ ее, делья,
 Качая тихо и легко,
 Ей шепчетъ сказки на ушко.

LXVIII.

Здѣсь чуемъ генія повсюду.
 Когда эфиръ въ лице пахнетъ —
 Свой поцѣлуй съ нимъ геній шлетъ;
 Когда, подобно изумруду,
 Поля откроются для глазъ
 И разливается прохлада,
 Когда душа забыться рада
 Отъ скучной жизни хоть на часъ,
 Отъ жгучей пыки всѣхъ волненій,
 Тогда отъ горя и заботъ
 Тебя въ мѣръ новый унесетъ
 Тѣхъ мѣстъ счастливыхъ добрый геній,
 И ты, свободный отъ оковъ,
 На благодарность будь готовъ.

LXIX.

Но, чу! ревъ водъ. Съ вершинъ Ведино
 Спадаетъ въ бездну водопадъ, —
 Реветь и пѣнится. Картина
 Совсѣмъ нова: то — водный адъ,
 Гдѣ волны, словно въ адской мукѣ,
 Со стономъ прядаютъ, кипятъ
 И брызги бьютъ изъ-за громадъ —
 (То Флегетона слышны звуки)
 И составляютъ скалы кругъ,
 Откуда къ верху бьютъ насвады,

Наводятъ страхъ и ужасъ вокругъ,
И въ бѣшенствѣ, лоя преграды,
Ихъ пѣнистый, кипучій валъ
На волю рвется изъ за скаль—

LXX.

И брызги до небесъ бросаетъ,
Откуда падаетъ дождемъ,
И тамъ весна благоухаетъ,
Гдѣ онъ разсыплется; кругомъ
Трава роскошно зеленѣетъ...
О, какъ пучина глубока!
Волна неистово-дика
Въ скачкахъ гигантскихъ... Тамъ бѣлѣтъ
Внизу рядъ скаль, промытыхъ ей.
Въ порывѣ злобнаго веселья
Среди недвижимыхъ камней,
Волна пробила въ нихъ ущелья
И, прорываясь сквозь гранитъ,
Такою массою бѣжитъ,

LXXI.

Что можно думать: это море,
Рожденное среди тѣхъ скаль,
Но водопадъ тотъ жизнь давалъ
Лишь скромнымъ рѣчкамъ; на просторѣ,
Среди долинъ онѣ бѣгутъ.
Смотрите! чудный видъ предъ нами.
Вкругъ разрушая все волнами,
Каскады мчатся и ревутъ,
Какъ будто въ вѣчность все уносятъ,
Все разбивая на лету,
И дикую картину ту
Едва взоръ робкій переноситъ
И каждый ужасомъ объять...
О, страшно-дивный водопадъ!

LXXII.

Вотъ новый видъ открылся взглядамъ:
Съ одной вершины до другой,

При блескѣ солнца, надъ наскладомъ
 Явилась радуга дугой, —
 Подобна радостной надеждѣ
 Надъ смертнымъ ложемъ, — и горитъ
 Въ своей сіяющей одеждѣ.
 Пусть водопадъ кругомъ шумитъ,
 Она сіянья не теряетъ,
 Вкругъ проливая нѣжный свѣтъ
 И постоянныхъ красокъ цвѣтъ
 Ей никогда не измѣняетъ.
 Такъ иногда слѣдитъ любовь,
 Когда въ безумцѣ бродитъ кровь.

LXXIII.

Я снова вижу Аппенины,
 Они бы были миды мнѣ,
 Когда-бъ альпійскія вершины
 Я не видалъ; тамъ въ вышинѣ
 Родятся сосны, тамъ обвалы
 Несутся съ грохотомъ со скалъ;
 Тамъ я Юнгфрау посѣщалъ,
 Гдѣ вѣчный снѣгъ, какъ покрывало,
 Ее скрываетъ въ облакахъ
 Среди нагорнаго тумана;
 Я былъ въ холодныхъ ледникахъ
 Всѣмъ недоступнаго Монблана,
 И слышалъ часто между горъ
 Стихій громовый разговоръ.

LXXIV.

Я видѣлъ, какъ орлы летали
 И, поднимаясь на парнасъ,
 Какъ будто славы тамъ искали;
 Я, какъ троянецъ, могъ не разъ
 Смотрѣть на Иду. Незамѣтны
 Мнѣ Аппенины съ тѣхъ временъ,
 Какъ видѣлъ я вершину Этны,
 Олимпъ и Атласъ и Афонъ,
 И лишь безснѣжныя вершины
 Соракты привлекли мой взоръ.

Она безъ снѣга съ давнихъ поръ.
И здѣсь-то всегдѣ намъ есть причины
Стихи Горація прочесть:
Въ стихахъ пѣвца страница есть

LXXV.

О той горѣ. Она волною,
Застывшей въ воздухѣ, стоитъ
И хочетъ рухнуть внизъ стѣною...
Пусть каждый здѣсь разшевелитъ
Свои классическія знанья,
Цитаты римскія, названья
Проговоривъ межъ этихъ горъ.
Я самъ былъ слишкомъ живъ и скоръ,
Чтобъ изучить вполне поэта;
Уроки были скучны мнѣ,
Когда въ родимой сторонѣ
Мой менторъ строго ждалъ отвѣта:
И принуждалъ въ короткій срокъ
Знать слово въ слово свой урокъ.

LXXVI.

Хоть я потомъ и измѣнился
И сталъ уорно размышлять
О томъ, чему тогда учился,
Кого же въ этомъ обвинять?
Капризный и нетерпѣливый,
Я наслажденія искалъ,
Когда еще не погружалъ
Въ науку умъ свой прихотливый;
Не тѣмъ-бы сталъ я; можетъ быть,
Когда-бъ меня не принуждали,
Но прежнихъ чувствъ мнѣ не забыть, —
Онѣ съ лѣтами вырастали,
И ненависть моя сильна,
Какъ и въ былыя времена.

LXXVII. 5.

Прости, Горацій! Каюсь въ этомъ,
Тебя я вовсе не любилъ.

Несчастливъ тотъ, кто не цѣнилъ
 Твоихъ стиховъ. Ты былъ поэтомъ,
 Ты чтилъ искусство высоко;
 Какъ моралистъ, ты глубоко
 Проникъ и въ жизнь и въ омутъ міра;
 Твоя прекрасная сатира
 Умѣла совѣсть шевелить, —
 Тревожа сердце, не хотѣла
 Ему ранъ тяжкихъ наносить.
 Но всежъ съ тобой прощаюсь смѣло
 И шлю теперь тебѣ, поэтъ,
 Съ горы Соракты свой привѣтъ.

LXXVIII.

О, Римъ родной! Друзья страданья
 Пускай къ тебѣ теперь придутъ:
 Ничтожно горе наше тутъ.
 Что наши скорби и рыданья?
 Здѣсь кипарисъ бросаетъ тѣнь,
 Совы полночной слышны стоны.
 Идемъ съ ступени на ступень,
 Гдѣ распадались храмы, троны...
 О, люди! Стихнутъ въ кроткій срокъ
 Всѣ ваши скорби съ вѣчнымъ страхомъ.
 Смотрите: здѣсь у вашихъ ногъ
 Великій Римъ сталъ тѣмъ же прахомъ,
 Которымъ также будемъ мы,
 Узнавъ покой могильной тьмы.

LXXIX.

Богиня націй! Ты почилъ,
 Дѣтей и трона лишена...
 Пустую урну опустила
 Рукой израненной она.
 Пусты могилы Спиціоновъ,
 Отъ пепла ихъ исчезъ и слѣдъ,
 И вы, владыки грозныхъ троновъ,
 Среди гробницъ васъ тоже нѣтъ.
 Въ обломкахъ рухнули святыни...
 О, старый Тибръ! Лишь ты одинъ,

Свидѣтель лучшихъ твоихъ годовъ,
 Бѣжишь по мраморной пустынѣ!
 О, поднимись и массой водъ
 Залей печальный городъ тотъ!

LXXX.

О, вѣчный городъ! Войнъ забавы,
 Гнебъ, христіанство и потопъ
 Тебѣ готовили свой гробъ.
 Ты видѣлъ: гасли звѣзды славы,

.

Дворцы и храмы разрушались...
 Ты видѣлъ хаосъ, смерть и тьму.
 Среди разрушеннаго свѣта
 Кто-бъ могъ здѣсь прошлое сыскать
 И снова точно рассказать:
 „Здѣсь было то, здѣсь было это!“
 Кто могъ здѣсь хаосъ превозмочь,
 Когда кругомъ царила ночь?

LXXXI.

Двойная ночь весь Римъ сковала —
 Невѣжества и тьмы вѣковъ
 И мысль здѣсь оцупью блуждала.
 Есть планъ морей для моряковъ,
 Есть карта звѣздъ, лишь только въ Римѣ
 Мы, какъ въ степи, идемъ чужими
 И спотыкаемся. Порой,
 Кричимъ мы „еврика!“ въ надеждѣ
 Узнать о томъ, что было прежде,
 Но то миражъ своей игрой
 Насъ ввелъ невольно въ заблужденье,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 И вновь все въ мракъ погружено
 И недоступно и темно.

LXXXII.

Гдѣ жъ гордый Римъ? Гдѣ та минута,
 Когда виждалъ героическій Брутта

Блескъ побѣдителя смутилъ
 И лавры славы заслужилъ?
 И гдѣ теперь пѣвецъ Виргилій?
 Увы! гдѣ Туллія языкъ?
 Гдѣ наконецъ и ты, Титъ-Ливій?
 Тогда сіющій ихъ языкъ
 Былъ воскресеніемъ для Рима.
 Все остальное—смерти тьма.
 Сіянье строгаго ума
 Для насъ теперь неувидимо...
 Ихъ взглядъ такъ гордъ и свѣтелъ былъ,
 Когда ты, Римъ, свободно жилъ.

LXXXIII.

О ты, всегда счастливый Силла,
 Ты, покорившій всѣхъ враговъ,
 Тиранъ, въ которомъ говорила
 И мечь и злоба,—чьихъ орловъ
 Рабою Азія встрѣчала,
 О ты, чей гордый, дерзкій взглядъ
 Могъ уничтожить весь сенатъ!
 Ты до конца, какъ и сначала
 Римлянинъ былъ, хотъ былъ жестокъ
 И не одинъ имѣлъ порокъ;
 Ты, власть чужую попиравшій
 И въ прахъ короны низвергавшій
 И лавръ диктаторскій,—тогда,
 Въ тѣ отдаленные года —

LXXXIV.

Ты одного не могъ предвидѣть,
 Что до ничтожества дойдетъ
 Все, что въ тебѣ привыкли видѣть
 Великаго, и что падетъ
 Не отъ римлянъ величье Рима.
 Онъ, стѣнный городъ, чьи полки
 Дрались всегда непобѣдимо,
 Чьи грани были велики,
 Чьи безконечные предѣлы
 Шли изъ конца въ другой конецъ,
 Онъ, всемогущества вѣнецъ

Носившій нѣкогда такъ смѣло,
Онъ, этотъ вѣчный, гордый Римъ
Исчезъ съ величіемъ своимъ.

LXXXV.

Такъ, побѣдителемъ былъ Силла.
Нашъ Бромвель тоже Силлой былъ,

.
.
.
.
.
.

Его судьба—урокъ другимъ:
Его побѣды годовщина
Раскрыла темный гробъ предъ нимъ.
Когда предъ властью исполна
Два государства ницъ легли,
Въ тотъ день онъ прахомъ сталъ земли.

LXXXVI.

Тотъ день, когда-то давшій силу
И власть могучую ему,
Тотъ день открылъ ему могилу
И съ трона свелъ въ нѣмую тьму.
Судьба намъ этимъ доказала,
Что блескъ и счастье на землѣ,
Все, что тщеславіе искало,
Родило думы на челѣ—
Все это смерть одна смиряетъ
Зловѣщимъ сумракомъ гробовъ...
Какъ жаль, что міръ среди трудовъ
Объ этомъ рѣдко вспоминаетъ!..
Тогда бы люди, можетъ быть,
Съумѣли жизнь перемѣнить.

LXXXVII.

Статуя грозная! Доньяѣ
Ты тамъ стоишь въ своей гордынѣ.

Ты помнишь: предъ тобой стоялъ,
 Съ улыбкой смѣлою и строгой,
 Самъ Цезарь, драпируясь тогой,
 И гордо кровью истекалъ?
 То—жертва грозной Немезиды,
 Царицы неба и земли,
 Всѣмъ гнѣвно мстящей за обиды...
 Героевъ нѣтъ... ихъ дни прошли...
 Погибъ Помпей... О, неужели
 Вы всѣ когда-то власть имѣли;
 Иль, ставъ игрушкою молвы,
 Лишь только куклы были вы?..

LXXXVIII.

И ты кормилицею Рима
 Была волчица въ тѣмѣ вѣковъ.
 Донинѣ съ бронзовыхъ сосковъ
 Въ бассейнъ спадаеть несдержимо
 За каплей капля молока.
 О, маты! Была ты велика,
 Вскормивъ тогда такого сына...
 Теперь, грозой опалена,
 Ты, какъ великая рупня,
 Стоишь, но дѣтямъ предана,
 Ты и теперь была-бъ готова
 Кормить дѣтей погибшихъ снова?
 Вѣдь бережетъ твой нѣжный взглядъ
 Безсмертныхъ этихъ волченятъ?

LXXXIX.

Да, это такъ; но эти дѣти
 Уже исчезли на всегда;
 Изъ ихъ гробницъ потомъ на свѣтѣ
 Сооружали города
 И люди кровью истекали;
 Они дорогой римлянъ или
 И имъ со страхомъ подражали
 И въ грозныхъ битвахъ смерть нашли,
 Но не далась имъ римлянъ слава,
 Хоть проходили за вѣкомъ вѣкъ.
 Одинъ лишь сердый человекъ

Сталъ съ ними рядомъ величаво;
Онъ живъ еще, но межъ оковъ,
Онъ сталъ рабомъ своихъ рабовъ.

XC.

Онъ отъ вѣличья растерялся.
И, чтобъ быть цезаремъ другимъ,
Идти путемъ его старался —
Неровнымъ шагомъ... Вѣчный Римъ!
Герой твой созданъ былъ иначе:
Онъ страсти пылкія имѣлъ,
Но хладнокровіемъ владѣлъ;
Его спасалъ отъ неудачи
Инстинктъ безсмертный. Разный видъ
Онъ принималъ: то, какъ Алкидъ,
Сидѣлъ онъ съ прѣлкой неизмѣнной
У ногъ парицы несравненной,
То вдругъ любовь позабывалъ
И шель, смотрѣлъ и побѣждалъ.

XCI.

Но тотъ, кто укротилъ такъ скоро
Своихъ властительныхъ орлятъ,
Довелъ до бѣгства, до позора
Побѣдной Галліи солдатъ,
Тотъ, чья душа была могла,
Былъ странно созданъ — и упалъ.
Его тщеславіе сгубило,
Куда онъ шель? Чего желалъ?
Бъ чему упорно порывался
Его честолюбивый умъ?
Въ какія тайны темныхъ думъ
Тотъ властолюбецъ погружался?
Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
Напрасно ждать — отвѣта нѣтъ.

XСII.

Всѣмъ иль ни чѣмъ — онъ быть рѣшился.
Когда бъ онъ только ждать умѣлъ,
То, можетъ быть, похоронился
Съ почестомъ цезарей... Удѣлъ

Печальный очень для героя..
 Такъ для чего же, арки строя,
 Триумфовъ вѣдетъ человекъ?
 Къ чему вѣнокъ ему плетется
 И кровь людей потокомъ льется?
 Гдѣ тотъ спасительный ковчегъ,
 Гдѣ-бъ былъ пріютъ для всѣхъ несчастныхъ?
 Спасенья нѣтъ отъ бурь ужасныхъ,
 Весь міръ въ крови... О, если-бъ богъ
 Дать снова радугу намъ могъ!

XXIII.

И вотъ плоды отъ жизни скудной.
 Въ насъ чувства—узки, умъ—не смѣлъ,
 Жизнь—коротка, дорогой трудной
 Дается истина. Съумѣлъ
 Обычай насъ держать во власти;
 На зло и правдѣ и уму,
 Моущества земнаго страсти
 Нерѣдко гонять насъ во тьму;
 Добро и зло для насъ случайно,
 И люди многіе года
 Дрожали строгаго суда,
 Свободной мысли чрезвычайно
 Сстрашились, прятаясь во мглѣ,
 Пугаясь свѣта на землѣ.

XXIV.

И такъ тѣ люди прозябаютъ
 Бездѣльно цѣлые вѣка
 И отъ разврата умираютъ;
 До смерти злоба ихъ дива,
 Она идетъ въ наслѣдство дѣтямъ;
 И Завѣтомъ дѣдовскихъ гробовъ
 Передаются внукамъ этимъ
 Оковы тяжкія рабовъ
 И вновь за эти цѣпи внуки
 Какъ гладіаторы падутъ,
 И снова кровью истекутъ
 На мѣстѣ томъ, гдѣ тѣ же муки

И ту же цѣль въ тѣмной борьбѣ
Несли ихъ братья на себѣ.

ХСV. ХСVІ.

ХСVІІ.

Но Франція, подѣ кровью братіи,
Средь преступленій и проклятій,
Ударъ свободѣ нанесла
И міру пагубна была.
Рядъ сатурналий, сценъ кровавыхъ
И честолюбье гордеца
И козни замысловъ лукавыхъ
Свободу гнали до конца.
Между надеждой благородной
И человѣкомъ стать должна
Несокрушимая стѣна

.
.
.

ХСVІІІ.

Но все же ты жива, свобода!
Твой стягъ, изорванный кругомъ,
Стоитъ святынею народа;
Твой голосъ, слышимый словно громъ,
Теперь усталый грянетъ снова,
И въ сердцѣ дерева больнаго
Подъ старой, вѣтхою корой,
Гдѣ виднѣтъ рѣзкій слѣдъ сѣкиры,
Еще кипитъ и нынче въ мірѣ
Совѣ жизни съ прежнею игрой,
И сѣмена его до нынѣ
Найдемъ и въ сѣверной пустынѣ,
И скоро міру лучшій плодъ
Весна иная принесетъ.

ХСІХ.

Есть башня древняя. Оградой
Такой она окружена,

Что армія своею громадой
 Была-бы башнѣ не страшна.
 Стоитъ руина распадаясь,
 Всѣ стѣны обрастаютъ мхомъ—
 Гирляндой вѣчности. Кругомъ
 Все умираетъ разрушаясь...
 Кто-жъ эту башню здѣсь сложилъ?
 Что за сокровища въ ней скрыты?
 Кто въ ней въ иное время жилъ?
 Какія кости здѣсь зарыты?
 Здѣсь, посреди разбитыхъ плитъ
 Гробница женщины стоитъ.

С.

Кто-жъ эта смерти королева,
 Который домъ—есть гробъ червей?
 Была-ль она чиста, какъ дѣва?
 Иль ложа брачнаго царей
 Была достойна? Родила-ли
 Героевъ славныхъ для побѣдъ,
 Иль дочь, которой краше нѣтъ?
 Какія страсти и печали
 Она имѣла, и когда?
 Любила-ль въ юные года?
 И здѣсь-ли, наконецъ, въ могилѣ
 Ея останки положили,
 Гдѣ башня крѣпкая надъ ней
 Стоитъ, какъ вѣчный мавзолей?

СІ.

Была ли любящей женою?
 Иль мужъ чужой ей былъ любимъ?
 Такія жены стариною
 Бывали; ими древній Римъ
 Богатъ по лѣтописямъ старымъ.
 Она блистала-ль южнымъ жаромъ
 Египетской царицы той,
 Что міръ смущала красотой?
 Иль въ ней Корнелии движенья
 Пугали строгостью своей?

Иль береглась она страстей;
Иль обожала наслажденья,
Иль чувству подчиняла умъ,
Иль вѣкъ жила подъ гнетомъ думъ?

СП.

Иль умерла она, быть можетъ,
Въ дни первой юности? Она,
Быть можетъ, здѣсь схоронена
Какъ жертва мукъ? хотъ не тревожить
Теперь ничто почившій прахъ,
Тогда вдругъ туча омрачила
Ту красоту и блескъ въ очахъ
И взрыта ранняя могила?
Иль вечеръ жизни залить былъ
Лучистымъ солнцемъ заходящимъ
И блескомъ смерти освѣтилъ,
Лучемъ прощальнымъ, преходящимъ
Тотъ бѣдный ликъ, и вспыхнулъ онъ,
Багрянымъ свѣтомъ озаренъ?

СІІІ.

Она почилъ, можетъ статья,
Въ тѣ дни, когда была стара,
Когда ужъ стали появлягся
На кудряхъ пряди серебра
И ей года напоминали,
Когда тѣ кудри заставляли
Дрожать отъ страсти цѣлый Римъ?..
Но съ увлеченіемъ своимъ
Впередъ ушелъ я очень смѣло:
Одно мы знаемъ, что жила
И въ Римѣ древнемъ умерла
Женой римлянина, Метелла.
Онъ былъ богатъ... Такъ вотъ вамъ слѣдъ
Тщеславія погибшихъ лѣтъ!..

СІV.

Стою я предъ тобой, гробница,
И словно знаю образъ той,

Чей прахъ лежитъ здѣсь подъ плитой;
 Иные дни, иныя лица,
 Иная музыка встаетъ,
 И эта музыка растетъ,
 Какъ громъ торжественный по скаламъ,
 Когда вдали слабѣетъ онъ.
 На этомъ камнѣ обетшадомъ,
 Разрушенномъ со всѣхъ сторонъ,
 Готовъ стоять я до мгноуенья,
 Пока неясныя мечты,
 Не встануть въ формахъ красоты,
 Пока мое воображенье,
 Здѣсь изъ могилъ минувшихъ дней
 Не вызоветъ былыхъ тѣней,

CV.

Пока я изъ досокъ разбитыхъ
 Себѣ не сдѣлаю ладью
 И вѣрю ей судьбу свою,
 Чтобъ спорить съ массой водъъ ~~сердитыхъ~~..
 Реветь, взбѣжавъ на берега,
 Ихъ несдержимое теченье,
 Гдѣ оставляетъ разрушенье
 Всего, чѣмъ жизнь мнѣ дорога.
 Но если даже я исправлю
 Ладьи обломки, то куда
 Я полечу на ней тогда?
 Куда же смѣло бѣгъ направлю?...
 Отчизну, счастье на пути
 Лишь только здѣсь я могъ найти.

CVI.

Такъ войте-жъ вѣтры! Ихъ стenanье
 Я вѣчно слушать здѣсь готовъ,
 Здѣсь ихъ ночное завыванье
 Смирится только крикомъ совъ;
 Вотъ какъ теперь при блѣдномъ свѣтѣ
 Съ вершины омраченныхъ горъ
 Ночной ихъ слышу разговоръ,
 Чу! мрачно стонуть птицы эти,
 Раскрывъ блестящія глаза

И мрачно крыльями махая...
 О, пусть здѣсь высохнетъ слеза!..
 На этомъ мѣстѣ скорбь людская
 Совсѣмъ не встаети, а моя —
 О ней молчу и утая.

СVII.

Мохъ и трава кругомъ обвалы...
 Теперь развалины стоятъ,
 Гдѣ прежде были арки, залы
 И рядъ высокихъ колоннадъ,
 И своды старые суровы,
 Со стѣнъ всѣ фрески сбиты прочь
 И населяютъ только совы
 Пещеры темныя, какъ ночь.
 Чтожъ это: бани? храмъ? палаты?
 Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
 Мы знаемъ только: то былъ слѣдъ
 Стѣны, разрушенной когда-то...
 То императорства гора!
 Давно цроща ея пора.

СVIII.

Какой урокъ для человѣка!
 Онъ повторяется всегда:
 Сперва свобода—сила вѣка,
 Тамъ—славы многіе года,
 Развратъ, порокъ, а послѣ что же?
 Что остается наконецъ?
 Лишь только варварства вѣнецъ.
 Во всѣхъ исторіяхъ о, боже!
 Одну страницу лишь найдемъ,

 Но бросимъ славу и назадъ
 На эту гору вѣнемъ взглядъ,

СIX.

Любуйтеся, плачьте, смѣйтесь, злитесь
 И негодуйте люди тутъ,

Своимъ ничтожествомъ казнятесь!
 Подъ этой кучей сложенъ трудъ
 Столѣтій; троны поднимала
 Здѣсь пирамидою гора

 Что солнца—лучь среди небесъ
 Отъ нихъ еще свѣтлѣй казался..
 И гдѣ-жъ слѣды отъ тѣхъ чудесъ,
 Которымъ мѣръ весь удивлялся?
 Гдѣ золоченныхъ троновъ рядъ?
 Гдѣ ихъ властители лежатъ?

СХ.

О, Туллій! Твой языкъ едва-ли
 Краснорѣчивъ, какъ та скала...
 Гдѣ Цезарь съ лаврами чела?
 Желалъ бы я, чтобъ увѣнчали
 Меня съ могилы славной мхомъ...
 И чья колонна эта? Тита?
 Трояна? Все здѣсь мертвымъ сномъ
 И строгой вѣчностью сокрыто.
 Колонны, арки сбиты въ прахъ.
 Гдѣ императоры почилъ
 Теперь стоять на тѣхъ мѣстахъ
 Иныя статуи; въ могилѣ
 Подъ небомъ вѣчно голубымъ
 Имперскій прахъ сталъ недвижимъ.

СХІ.

Въ гробницахъ тѣхъ почило тѣло
 Того, чей духъ при жизни могъ
 Величіемъ гордиться смѣло.
 То-былъ послѣдній полу-богъ,
 Властитель міра, слава Рима.
 Его потомки не могли
 Стоять, какъ онъ, необходимо
 За блескъ родной своей земли.
 Самъ Александръ предъ нимъ блѣднѣеть.
 Онъ кровью рукъ не обогрѣлъ
 И добродѣтелью дивилъ.

До нынѣ мiръ благоговѣтъ
 Предъ памятью твоей, Траянъ!
 Ты будешь гордостью всѣхъ странъ...

СХІІ.

Гдѣ та гора, гдѣ Римъ въ гордынѣ
 Своихъ героевъ обнималъ?
 Скала Тарпейская гдѣ нынѣ?
 Гдѣ мысль, съ котораго упалъ
 Измѣнникъ, сброшенный для казни?
 И гдѣ грабители земли
 Беречь безъ страха и боязни
 Свои сокровища могли?
 Да, тамъ внизу теперь истлѣли
 Развратъ, крамолы многихъ лѣтъ.
 Вотъ Форумъ—славы прошлой слѣдъ,
 Гдѣ рѣчи нѣкогда гремѣли,
 Гдѣ словно живъ до нынѣ онъ,
 Краснорѣчивый Цицеронъ.

СХІІІ.

О, поле славы и свободы,
 Крвопродитій и крамолъ!..
 Здѣсь встопцалась мощь народа
 Съ дней возрожденья въ морѣ золь.
 Давно свобода тамъ закрыла
 Свое лице и уступила
 Анархiи былую власть,
 И только царствовала страсть,
 Пока погой своей желѣзной
 Не потопталъ одинъ солдатъ
 Предъ нимъ трепещущій сенатъ —
 Рабовъ, поставленныхъ надъ бездной,
 И сталъ, чтобъ людямъ угрожать,
 Холоповъ тусныхъ подкупать.

СХІV.

А ты, Италiя подлора,
 Петрарки другъ, герой Римлячъ,
 Ты, искупитель ихъ позора —

Ріензи! Пусть на твой кургамъ
 Кладутъ печальные народы
 Листы, которые растутъ
 На тощемъ деревѣ свободы —
 И ими гробъ твой обовьютъ.
 Чело твое вѣчала дума.
 Подвижникъ Форума, — ты былъ
 Начальникъ гордый рисковъ сядь,
 И бросилъ мръ, какъ новый Нума,
 Гдѣ, къ сожалѣнью, только могъ
 Ты властвовать лишь краткій срокъ.

СХУ.

Эгерія! Созданье грезы,
 Прелестный, дивный уголокъ
 Гдѣ забывать земныя слезы
 Сынь праха въ упоеньи могъ.
 Кто ты? воздушная Аврора,
 Иль нимфа въ блескъ красоты,
 Иль та земная дѣва ты,
 Которая плѣняется скоро
 Боговъ, сошедшихъ въ мръ съ небесъ?..
 Но гдѣ бы ты не возродилась,
 Была ты перломъ всѣхъ чудесъ;
 Въ тебѣ такъ яро воплотилась
 Неуловимая мечта
 И чистой грезы кра ота.

СХVI.

Фонтанъ твой въ брызгахъ водоема
 Зеленымъ мехъ водой красить,
 Въ твою ручью, подъ тѣною грота,
 Духъ этихъ аветъ изъ струй чашить.
 Искусство зѣвъ не безащитъ,
 Зеленымъ, дикимъ береговъ,
 Теченье водъ не заданно
 Зѣвъ иго мраморныхъ оковъ.
 Съ подножья статуи разбитой
 Ока бѣгутъ едва журча
 На капище врага ключа.

Здѣсь — плющъ вокругъ дерева обвитый,
Тамъ — ароматные цвѣты
И изумрудные листы.

СХVII.

Холмы мелькаютъ въ отдаленьѣ,
Съ земли несется ароматъ...
И пестрыхъ ящерицъ движенье
И пѣнье птицъ... Цвѣты манятъ,
Зовутъ къ себѣ улыбкой ласкн.
Разнообразно-хороши
Ихъ фантастическія краски
Въ благоухающей тиши.
Здѣсь темно-синими глазами
Фиалки нѣжныя глядятъ,
И ихъ невинный, кроткій взглядъ
Лазурью спорить съ небесами,
Какъ будто вѣтъ ихъ съ высоты
Вдругъ перешелъ на тѣ цвѣты.

СХVIII.

Ты здѣсь когда-то обитала
Эгерія! Здѣсь часто ты
Ждала любовника, дрожала...
И ночь подъ ризъ и теплоты
Скрывала тайное свиданье.
Какъ дорогъ былъ его приходъ...
Конечно, этотъ темный гротъ,
Хранившій тайну сѣжающа,
Сооруженъ нарочно вновь
Для этой любящей богини,
Принявшей смертнаго любовь...
Любовь витала въ той рунѣ;
Весь міръ любви такой языкъ
Считаетъ оравуломъ привытъ.

СХIХ.

Отвѣтивъ на любовь земную,
Ты страсть такую подила,
Съ земнымъ восторгомъ ты...

Восторгъ божественный, — пную
 Жизнь пробудивши на землѣ.
 Съ своимъ безсмертьемъ на челѣ,
 Скажи: земныя наслажденья,
 Земныя страсти и томленья
 Могла-ли обезсмертить ты?
 Могла-ль избавить отъ страданья,
 Отъ той сердечной пустоты,
 Гдѣ пресыщенныя желанья
 Въ гробницу сердце превратить,
 Въ которой чувства наши спятъ?

СХХ.

Мы чувства на вѣтеръ бросаемъ,
 Безцѣльно тратимъ съ раннихъ лѣтъ,
 Въ своей душѣ мы насаждаемъ
 Цвѣтъ сластолюбыя, мертвый цвѣтъ, —
 Растенья, милыя для взгляда,
 Но смерть которыхъ таятъ...
 Дыханье ихъ — зловредный ледъ
 И смрадъ могилъ — ихъ аромать.
 Вотъ садъ, которымъ мы проходимъ
 Путемъ страстей земныхъ всегда;
 Вездѣ запретнаго плода
 Мы ищемъ, ищемъ и находимъ,
 Но этотъ запрещенный плодъ
 Намъ истощенье лишь даетъ.

СХХІ.

Любовь! ты гостя въ мірѣ этомъ
 Изъ тебѣ, незримый серафимъ,
 Мы порываемся съ привѣтомъ
 И съ свѣтлымъ помысломъ своимъ.
 Въ сердцахъ разбитыхъ скрыта вѣра,
 Но все жъ не можемъ мы взглянуть,
 Гдѣ ты живешь, гдѣ эта сфера
 Любви, свершающей свой путь.
 Кто эти формы созерцаетъ?
 Ты нашей мыслью создана.
 Какъ мысль, фантазіи вѣрла

Пространство неба заселяетъ,
Такъ и въ любви она творить
И наши страсти шевелить.

СХХII.

Влюбленная въ свое созданье,
Въ насъ мысль становится больна,
И въ лихорадкѣ обожанья
Бываетъ вымыслу вѣрна.
Кто далъ скульптору идеалы?
Они сокрыты въ немъ самомъ.
А наши грезы, что бывало,
Насъ увлекали дивнымъ сномъ,
Какимъ-то раемъ неизвѣстнымъ,
И мы рвались подъ чарой грезъ
Въ попыткахъ дѣтскихъ, въ мукахъ слезъ
Бъ какимъ-то образамъ прелестнымъ,
И ни художникъ, ни поэтъ
Не уловилъ еще ихъ слѣдъ...

СХХIII.

Любовь—безумство. Но ужаснѣй
Еще лекарство отъ любви.
Оно любви самой опаснѣй;
Исчезнетъ первый жаръ въ крови
И убѣгутъ очарованья,
И наши идолы падутъ,
Исчезнутъ пылкихъ грезъ созданья,
Мечта уйдетъ, но даже тутъ
Не сбросимъ мы любви оковы,
Посвявъ вѣтры, мы пойдемъ
Лишь бури страшныя кругомъ,
Мы будемъ думать, что готовы
Найти сокровища въ тотъ часъ,
Когда ужъ бездна близко насъ.

СХХIV.

Отъ юныхъ лѣтъ мы вянемъ хило,
Бредемъ безъ цѣли цѣлый вѣкъ,
Но до конца, но до могилы

Все ищетъ слабый челоѣкъ
 Какой-то призракъ, но проклятье
 На немъ съ пеленъ еще лежитъ.
 О, слава и любви объять!
 То и другое насъ мутить,
 То и другое минеть скоро.
 Ихъ безотраднa красота;
 Они изчезнуть, какъ мечта,
 Какъ блескъ случайный метеора;
 Ихъ тушить вдругъ столбомъ «своимъ»
 Зловѣщей смерти черный дымъ.

СХХV.

Почти никто любить не смѣетъ
 Ту, для которой онъ рожденъ,
 Хоть случай часто и умѣетъ
 На насъ навѣять ложный сонъ
 И заглушить воспоминанья;
 Но скоро въ насъ воскреснутъ вновь
 Ошибки старья, страданья
 И не умершая любовь.
 Случайность—этотъ злобный геній
 Приходитъ съ горемъ и тоской
 И намъ грозитъ своею клюкой,
 И отъ ея прикосновеній
 Надежды наши въ прахъ падутъ,
 И никогда не развѣтутъ.

СХХVI.

Жизнь наша—вѣчный грѣхъ природы,
 Насланіе небесныхъ каръ,
 Клеймо судьбы, позоръ свободы;
 Жизнь наша—тоже что *Анчаръ*
 Съ его смертельною отравой
 И ядовитою росой.
 Жизнь—служить хищною забавой
 Для мукъ, недуговъ; смерть съ косою
 За ней слѣдитъ. Жизнь—есть страданья,
 Хоть ихъ, порою, не видать, —
 Они съумѣютъ истерзать
 Изгрысть всю грудь безъ состраданья;

А въ сердцѣ боль царитъ одна
Неукротима и сплѣна.

СХХVII.

Все жь будемъ размышлять мы смѣло.
Безчестно отступать отъ правъ:
Мысль—наше право, наше дѣло
И я храню ее уставъ.
Хоть съ дня рожденья мысль въ насъ гнали,
Водили къ пыткамъ и на казнь,
Терзали, жгли и оскорбляли,
Хотя завистливо боязнь
Ее во мракѣ содержала,
Чтобъ съ свѣтомъ не жилъ человекъ,
Но все-жь порою видѣлъ вѣкъ,
Что мысль лучемъ своимъ сіяла;
И мы узнали наконецъ,
Что прозрѣваетъ и слѣпецъ.

СХХVIII.

Надъ арками восходятъ арки!
Какъ будто бы рѣшился Римъ
Въ нихъ завѣщать вѣкамъ подарки
Великимъ зданіемъ своимъ.
То — Коллизей. Луна сіяетъ
Подобно факеламъ въ ночи,
Какъ будто Римъ лишь позволяетъ
Одной лунѣ бросать лучи
На этотъ памятникъ богатый
Отъ улетѣвшей старины,
И озаряетъ блескъ луны
Весь городъ, сумракомъ объятый,
И хоть лазуревая тѣма
Стѣнтъ недвижна и нѣма,

СХХIX.

Но въ ней какъ будто-бы послышсь
Слова, — манили въ небеса
И Риму вѣчному дивились....
Здѣсь спятъ въ громадахъ чудеса!

Здѣсь время все не истребило,
 Какой-то духъ живъ въ тѣхъ мѣстахъ
 Съ косою, изломанной въ рукахъ...
 И не понятная есть сила
 Въ обломкахъ стѣнъ, сѣдыхъ колоннъ;
 Они — безсмертныя сказанья
 Иныхъ столѣтій и временъ.
 И передъ ними блѣдны зданья—
 Постройки пылѣвшихъ годовъ—
 Среди новѣйшихъ городовъ.

СXXX.

О, время! Смерть ты укрощаешь,
 Ты смыслъ развалинамъ даешь,
 Ты наше сердце исцѣляешь,
 Ты нашъ разумъ бережешь,
 И отгоняешь заблужденья!..
 О время! пробный камень ты
 Любви и истины. Движенья
 Твои суровы, какъ мечты
 Философа. Ты — мститель свѣта.
 Къ тебѣ я сердце приношу
 И у тебя теперь прошу
 Я, вмѣсто всякаго привѣта,
 Одной награды роковой,
 Прошу съ поникшей головой.

СXXXI.

Между обломковъ разрушеній,
 Соорудившихъ твой алтарь,
 Межъ самыхъ лучшихъ приношеній,
 Что для тебя хранила старь,
 Я приношу тебѣ руины
 Своихъ разрушенныхъ годовъ,
 Хоть не знакомы намъ сѣдины...
 О, если въ гордости готовъ
 Сносить я ненависть спокойно,
 И мнѣ нестрашенъ злобы гнетъ,
 Желая я, чтобъ вѣчный ледъ
 Я могъ осить въ груди достойно

Чтобъ этотъ ледъ, во всѣ года,
Въ груди не таялъ никогда.

СХХХІІ.

А ты, бичъ гнусности, порока,
Ты, Немезида! Предъ тобой
Склонялся часто міръ съ мольбой.
Ты, призывавшая жестоко
Всѣхъ фурій адскихъ злобно выть
И съ визгомъ прыгать вокругъ Ореста,
Чтобы Оресту отплатить
За мщеніе звѣрское, — здѣсь съ мѣста
Гдѣ ты царишь, я въ этотъ часъ
Тебя изъ праха вызываю!..
То просьба сердца прорвалась.
Возстань! Должна ты, умоляю,
Во что-бъ ни стало изъ гробовъ
Прийти на мой послѣдній зовъ.

СХХХІІІ.

Быть можетъ, я-бъ привыкнулъ къ ранѣ,
Когда-бы могъ узнать заранѣ,
Что справедливъ былъ тотъ ударъ
Меня сразившій; этотъ даръ
Я вынесъ-бы безъ сожалѣнья,
Но нынче черной раны кровь
Земля не б;детъ пить ужъ вновь
И я зову тебя для мщенья,
Зову одну тебя къ мечу,
Затѣмъ, что самъ я не хочу
Прибѣгнуть къ мести и угрозѣ.
И такъ, я сплю предавшись грезѣ,
И за меня теперь должна
Ты встать, на мигъ не зная сна.

СХХХІV.

Я не боюсь своихъ страданій.
Кто видѣлъ на моемъ челѣ
Слѣды тревогъ и содраганій?
Но я желаю на землѣ

Остаться жить въ страницѣ этой.
 Не даромъ брошу я слова,
 Хоть въ прахъ согнусь, въ гробу отпѣтый,
 Время грядущал молва
 Мой гнѣвъ предъ всѣми оправдасть,
 Теперь мой гордый, смѣлый гнѣвъ
 Стиховъ пророческій напѣвъ
 Въ груди усталой пробуждасть.
 Мое проклятiе въ народъ
 На многихъ смертныхъ упадетъ.

СXXXV.

Земля и небо! мнѣ внимайте:
 Я долженъ былъ идти на бой,
 Страдая, съ грозною судьбой.
 Мои всѣ муки сосчитайте.
 Не изушилъ-ли я свой умъ?
 Не сокрушилъ-ли сердца въ пенель?
 Какой отравы въ жизни не пилъ
 Среди тяжелыхъ, черныхъ думъ!
 И если я, не зная страха,
 Себѣ въ борьбѣ не измѣнилъ,
 То потому, что созданъ былъ
 Не изъ того простаго праха
 Людей ничтожныхъ предо мной,
 Съ ихъ мелкой завистью земной.

СXXXVI.

И развѣ мало преступленiй
 О, родъ людской, падѣлалъ ты
 Отъ самыхъ сильныхъ огорченiй
 До ядовитой клеветы?
 Та клевета отравой гада
 Все отравляетъ порою рада;
 Она, какъ Янусъ два лица
 Имѣетъ: взглядами льстеца,
 Мишурной истиной обманетъ,
 И люди вѣрять сгоряча
 Пожатыю льстивому плеча,
 И клевета порочигъ станетъ

Съ лукавой лестью до конца
Инаго добраго глупца.

СXXXVII.

Но я на свѣтъ жилъ не даромъ;
Быть можетъ, умъ мой ослабѣлъ
И кровь бѣжить не съ прежнимъ жаромъ,
Но я за то въ борьбѣ съумѣлъ
Смирить и время и мученья,
Я даже послѣ погребенья,
Останусь жить съ своею тоской,
И долго надъ душой людскою
Незримо буду я носиться,
И каменистую ихъ грудь
Я разбужу когда нибудь;
И въ ней тогда зашевелится
И угрызенье и тоска,
Имъ неизвѣстная пока.

СXXXVIII.

И такъ, привѣтъ тебѣ, богиня!
Ты возбуждаешь въ насъ не страхъ,
Но уваженъе. Въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ ситъ въ развалинахъ пустыня,
Являлась ты порой ночью,
Какъ ризой, скрыта темнотою
Въ мѣстахъ, гдѣ влещь по камнямъ вьется,
Гдѣ все приходъ твѣ и оживлять,
Гдѣ чрезъ тебя скорбей поймется
Весь смель руины и дивихъ скалъ.
И все, что прахъ вѣковъ скрываетъ
Для насъ мгновенно оживаетъ,
Тогда готовы слиться мы
Съ картиной, вышедшей изъ тьмы.

СXXXIX.

Да, раздавался здѣсь когда-то
Восторгъ народа, шепоть, крикъ,
Здѣсь братъ съ убійствомъ шелъ на брата
И смертью скованъ былъ языкъ.
Законы Цирка заставляли

Ихъ умирать и забавляли
 Ихъ трупы кесарей тогда.
 Мы всё умремъ, что-жь за бѣда —
 Погибнуть въ циркѣ иль въ сраженьѣ?
 Насъ здѣсь и тамъ найдетъ червякъ,
 Глаза закроетъ вѣчный мракъ,
 И всё мы ляжемъ безъ движенья,
 И здѣсь и тамъ ужъ съ давнихъ поръ
 Смерть — торжествующій актеръ.

СХL.

Я вижу: на руку склоняясь,
 Паль градіаторъ... жалкій видъ.
 Чело блѣднѣетъ, опускаясь, —
 Изъ смертной раны кровь бѣжитъ,
 По каплямъ на песокъ струится.
 Арена передъ нимъ кружится,
 Въ глазахъ туманъ и смерти мракъ,
 Онъ жизнь оканчиваетъ такъ
 Подъ крикъ толпы безчеловѣчной,
 Которая кругомъ реветъ
 И побѣдителю несетъ
 Порывъ восторга безконечный,
 И слышитъ онъ, какъ этотъ крикъ
 Неумолимъ и звѣрски дикъ.

СХLl.

Онъ умиралъ безъ сожалѣнья,
 Но живы въ немъ были сны,
 Его несетъ воображенье
 На берега родной Двины.
 Тамъ ждуть его жена и дѣти
 Въ убогой хижинѣ теперь,
 А онъ, опора ихъ на свѣтъ,
 Погибнуть долженъ, словно звѣрь,
 Забавою позорной Рима.
 Когда онъ кровью истекалъ,
 Онъ будто вновь ихъ увидалъ,
 Ихъ образы скользнули мимо...
 О, мщенье! что же медлитъ тутъ!
 Когда же Готты мстить придутъ?

СХLII.

И здѣсь, гдѣ прежде паръ кровавый
 Дымился съ черныхъ, смертныхъ ранъ,
 Здѣсь, гдѣ злодѣйствами и славой
 Полна исторія Римлянъ,
 Гдѣ приговоры раздавались,
 Теперь царить здѣсь тишина,
 Ступени дряхлыя распались
 И на стѣнѣ лежитъ стѣна.
 Арену звѣзды освѣщаютъ.
 Вездѣ молчанье, пыль и мракъ,
 Лишь эхо мой чуть слышный шагъ
 По галлереймъ повторяетъ
 И межъ разрушенныхъ колоннъ
 Проносится и гулъ и звонъ.

СХLIII.

Развалины! Изъ нихъ слагались
 Дворцы, чуть-чуть не города,
 Онѣ-жъ все прежними остались,
 Какъ будто тѣ-же, что тогда,
 Какъ будто ихъ не разрушали...
 Но если ближе подойдемъ,
 Ихъ разрушеніе поймемъ, —
 Слѣды погрома и печали...
 Здѣсь освѣщаетъ солнца свѣтъ
 Все то, что время не щадило,
 Чему теперь возврата нѣтъ,
 Что варварство давно сгубило,
 Что ужъ давно въ могилахъ спитъ, —
 Здѣсь солнца лучъ все озаритъ.

СХLIV.

Когда-жъ луна надъ этимъ сводомъ
 Глубокой полночью всплыветъ,
 Заблещутъ звѣзды хороводомъ
 И вѣтерокъ ночной пахнетъ,
 И плющъ зеленый закачаетъ,
 Віющійся вокругъ стѣны,
 Когда блескъ ночи озаряетъ

Картину эту съ вышины,
Тогда герои покидаютъ
Свои гробницы и встаютъ.
И нынче люди тамъ илутъ,
Гдѣ ихъ останки отдыхаютъ;
Вѣдь попирали и они
Тотъ самый прахъ въ былые дни.

СXLV.

„Цѣль Колизей — и слава въ Римѣ,
„Онъ палъ — надеть съ нимъ вмѣстѣ Римъ,
„А Римъ — въ руинахъ, — вмѣстѣ съ нимъ
„Погибнетъ свѣтъ.“ Такъ пилигримъ
Когда-то дѣлалъ предсказанья,
Но Римъ еще теперь стоитъ,
И не распались Рима зданья
И Колизей тотъ же видъ
И мѣръ — огромная пещера,
Всегда дающая приютъ,
Для всѣхъ, которые войдутъ:
Для вора и для лицебрѣ
Не стерся въ пыль до этихъ поръ
И живъ, готовый на раздоръ.

СXLVI.

О, храмъ вѣлкій, неизмѣнный,
Храмъ всѣхъ боговъ и всѣхъ святыхъ,
Ты всталъ съ главой своей свѣдущей,
Презрѣвша власть вѣковъ сѣдыхъ.
Вкругъ государства исчезли,
Колонны, стѣны, городъ,
Вдругъ люди въ мукахъ умирали. —
Линь молодымъ ты былъ всегда.
Кому забѣе время изломало,
Тираны бичь сломали свой —
Въ припадкѣ злости надъ тобой —
Твое величье устояло.
О, Пантеона славный храмъ,
Ужель на вѣчно стаять ты тамъ?

СXLVII.

О, памятникъ минувшей славы,
 Ограбленный со всѣхъ сторонъ,
 Но все стоящій величаво,
 Благоговѣнье будить онъ.
 Здѣсь изъ развалинъ одинокихъ
 Глядитъ величье на народъ
 И много думъ святыхъ, глубокихъ
 На богомольцевъ наведетъ
 Алтарь; сюда для поклоненій,
 Гдѣ слава предвкушаетъ сонъ,
 Сойдутся люди на поклонъ,
 Которымъ дорогъ римскій геній:
 Здѣсь бюсты Римлянъ вокругъ стоятъ,
 И на прохожаго глядятъ.

СXLVIII.

Иду. Передо мной темница.
 Что вижу... всюду темнота.
 Но чьи двѣ тѣни тамъ? чьи лица?
 Ужель они — одна мечта.
 Но нѣтъ, я вижу, — точно это —
 Съ прекрасной женщиной старикъ,
 Въ ней кровь, какъ нектаръ, свѣтлыя лица.
 Зачѣмъ же здѣсь, гдѣзи отъ свѣта
 Стоитъ прекрасная жена?
 Зачѣмъ же грудь обнажена,
 Зачѣмъ открыта эта шея.
 Бѣла, какъ пѣвняя лилея?
 Я вижу ясно въ темнотѣ
 Передъ собой фигуры тѣ.

СXLIX.

Грудь поднимается высоко,
 Та грудь, которую советъ
 Дитя, заснувшее глубоко,
 Той грудью мать ему даетъ
 Сладчайшей пищей жизнь и сонъ.
 Капризы дѣтскіе ей милы.
 Ей такъ пріятно и легко
 Давать ребенку молоко.

Она у дѣтской колыбели
 Находитъ радость и покой
 (О, вѣрно, радости такой
 Понять мужчины не умѣли!)
 Мать ждетъ отъ сына славныхъ дѣлъ,
 Но... вѣдь и Каинъ мать имѣлъ.

СЛ.

А здѣсь отца теперь питаетъ
 Она цѣлебнымъ молокомъ,
 Она часть крови возвращаетъ
 Ему назадъ. Надъ старикомъ
 Дотолъ смерть не пронесется,
 Пока въ той груди, въ жилкахъ льется
 Младая, огненная кровь,
 Пока сильна къ отцу любовь.
 О, пей старикъ изъ этой груди!
 Спасенный силою любви,
 Пей молоко и вновь живи!...
 Вѣдь даже въ лучшемъ мѣрѣ люди,
 Куда ихъ души упорхнутъ,
 Питья такого не найдутъ.

СЛІ.

Той нѣжности не сохранила
 И басня о пути млечномъ,
 Какъ тотъ рассказъ, гдѣ дочь кормила
 Отца сѣдаго молокомъ.
 Его созвѣздіе -- свѣтлѣе,
 Чѣмъ тѣ блестящіе мѣры,
 Что свѣтятъ въ темномъ небѣ млѣя,
 Среди таинственной игры.
 О, ты кормилица святая!
 Потокъ твой чистый съищеть путь
 Къ отцу разслабленному въ грудь,
 И эта влага пролитая
 Дастъ жизнь тому, кто умиралъ,
 Кто жизнь тебѣ же даровалъ.

СЛІІ.

Вотъ холмъ забытый Адриана,
 И этотъ островъ великана

По прихоти имѣеть видъ
 Египта древнихъ пирамидъ.
 Плодъ дерзкихъ замысловъ фантазій,
 Стоитъ громаднѣй образецъ
 Инаго вѣка безобразій,
 Величья ложнаго вѣнецъ;
 Онъ возведенъ былъ Адрианомъ
 И возбуждаетъ смѣхъ одинъ
 Въ тебѣ, прохожій пилигримъ.
 Покрываетъ забвеньемъ, какъ туманомъ,
 Гигантскій холмъ сооруженъ
 Надъ тѣмъ, кто въ пепелъ обращенъ.

СІІІ.

Смотрите! передъ вами зданье!
 Предъ нимъ Діаны чудный храмъ
 Избушкой кажется. Созданье
 И чудо Ефееса главанъ
 Моимъ когда-то представлялось.
 Въ степи стѣна его распалась,
 Гдѣ лишь съ гіенною шакалъ
 Его обломки носившій;
 Мечеть Софійскую когда-то
 Я видѣлъ тоже, осмотрѣвъ
 Успѣлъ я древнюю мечеть...
 Она священна и богата,
 Ислама вѣрные сыны
 Молились въ ней средь тишины.

СІІV.

Но ты, межъ храмовъ вставши строго,
 Стоишь одинъ. Лишь только ты
 Достоинъ стагъ быть храмомъ бога
 Съ тѣхъ поръ, какъ пали высоты
 И стѣны древняго Сіона.
 Нѣтъ, никогда во время оно
 Для славы бога и небесъ
 Такихъ не строили чудесъ.
 Здѣсь все: величье, слава, сила
 И неземная красота,
 Въ себѣ одной постройка та

Смыслъ вѣры истинной вѣстнаа:
 Съ благоговѣннѣемъ народъ
 Предъ этой храминой идетъ.

CLV:

Войдемъ. Громада насъ не давить,
 Хоть та громада велика,
 Но здѣсь душа растетъ, мужаетъ,
 Въ своемъ полетѣ высока.
 Здѣсь освящаются надежды.
 Настанетъ день: раскрывши вѣжды,
 Узнаешь ты безсмертья свѣтъ
 И гласа божьяго привѣтъ.
 Тебѣ откроется дорога
 Къ инымъ, небеснымъ высотамъ,
 И въ вѣчно новомъ блескѣ тамъ
 Лицомъ къ лицу увидишь бога,
 И взоръ божественный и видъ
 Твоей души не устрашить.

CLVI.

Идемъ — а зданье вырастаетъ.
 Такъ, среди Альпійскихъ горъ,
 Чѣмъ дальше путникъ вверхъ вползаетъ,
 Тѣмъ необъятнѣй ихъ просторъ.
 Идемъ, а зданье вырастаетъ,
 Но, не теряя красоты,
 Оно величѣемъ пугаетъ:
 Колонны мрамора чисты,
 Блестятъ лампы золотыя
 И куполъ сверху смотритъ внизъ
 И словно въ воздухѣ повисъ,
 А съ образовъ глядятъ святыя
 И въ этомъ храмѣ по стѣнамъ
 Ихъ лики видны здѣсь и тамъ.

CLVII.

Здѣсь взоръ теряется въ просторѣ,
 Здѣсь по частямъ все видитъ глазъ.
 Такъ береговъ зеленыхъ моря
 Не осмотрѣть въ единый разъ.

Тамъ нужно все смотрѣть отдѣльно,
 Чтобъ оцѣнить, какъ все вкругомъ
 Тамъ гармонично, строго, цѣльно,
 И вѣтъ высшпмъ божествомъ.
 Тамъ разомъ взоръ не въ состоянн
 Постичь великой красоты,
 Лишь понемногу только ты
 Доводишь умъ до обожанья
 И, ощутивъ невольный страхъ,
 Предъ красотой падешь во прахъ.

CLVIII.

Мы можемъ только постепенно
 Все нашимъ чувствомъ обнимать,
 Все, что не такъ обыкновенно.
 Словами вдругъ не передать
 Величя такого зданья.
 Своей ничтожности сознанье
 Сначала тамъ смущаетъ насъ,
 Когда же привыкастъ глазъ
 Къ картинѣ стройной и спокойной,
 Тогда и наша мысль растетъ
 До пониманія красотъ,
 И чувствуетъ себя достойной
 Начать неслышный разговоръ
 Со всѣмъ, что вдругъ увидѣлъ взоръ.

CLIX.

Смотри и стой здѣсь безъ движенья.
 Въ томъ созерцанн дано
 Намъ не одно благоговѣнсе
 И не чудесное одно,
 Пѣтъ, не одно разбудитъ чувство
 Остатокъ древняго искусства,
 Но здѣсь сокрытъ великн слѣдъ
 Великихъ думъ прошедшихъ лѣтъ,
 Здѣсь научиться можешь разомъ
 Тому, какъ былъ великъ тотъ вѣкъ,
 Когда жилъ древннй человекъ,
 Какъ былъ возвышенъ древннй разумъ
 И геннй тѣхъ былыхъ вѣковъ,
 Поднявшнй храмъ до облаковъ.

CLX.

Иль взглянемъ имъ на образъ бога.
 Поэзии и жизни богъ!
 Онъ держитъ лукъ, склонясь шемного.
 Лукъ просвѣтленный стѣлъ и строгъ.
 Его побѣда оживляла...
 Сейчасъ стрѣла его упала.
 Местъ бога свѣтится въ очагъ,
 Въ его раздувшихся ноздряхъ
 Замѣтно гордое презрѣнье.
 Онъ дышетъ силой, красотой
 И вѣчнымъ блескомъ залитой,
 Такое принялъ онъ движенье,
 Что видъ его сказать бы могъ:
 Смотрите, люди — это богъ!..

CLXI.

Во всей его прекрасной позѣ
 Сонъ вѣчной страсти отражень,
 Какъ будто въ лучезарной грезѣ
 Онъ грустной нимфою плѣненъ.
 Въ его фигурѣ отразилась
 Та красота, что возродилась
 Въ неясныхъ обличкахъ мечты;
 Безсмертья высшаго цвѣты
 Своими залили лучами
 И блескомъ чуднаго вѣнца
 Черты прекраснаго лица.
 И передъ нашими очами,
 Какъ воплощенная мечта,
 Открылась бога красота.

CLXII.

Пусть Промстей унесъ украдкой
 Съ небесъ огонь, — свою мечту
 Вложилъ художникъ въ мраморъ гладкій
 И въ камень вдунулъ красоту.
 И если это изваянье
 Дала намъ смертная рука,
 То какъ бессмертное создашь

Переживетъ оно вѣка.
Его и время пощадило,
Оно не рушится отъ лѣтъ;
Богъ вѣчнымъ пламенемъ согрѣтъ,
Въ немъ та божественная сила,
Которую зажегъ рѣзецъ
И ты, невѣдомый творецъ.

CLXIII.

Но гдѣ жь герой мой? Не пора-ли
Его въ разсказъ ввести опять?
Нѣтъ; ужь ему теперь не встать.
Героя нѣтъ. Его печали
Теперь окончились для насъ.
Онъ самъ—ничто. О немъ разсказъ
Мы не начнемъ какъ прежде снова.
Напрасно образа живаго
Искать хотѣли бы мы въ немъ.
Исчезнулъ онъ, какъ словидице,
И унесло своимъ крыломъ
Его изъ міра разрушенъе,
И разрушенъемъ этимъ онъ
Въ пучину бездны погруженъ,

CLXIV.

Гдѣ погибаетъ безвозвратно
Все то, что въ свѣтъ намъ дано,
Чѣмъ доля жизни намъ пріятна.
Той страшной безднѣ суждено
Смущать насъ тьмой и облаками.
Они становятся межъ нами
И свѣтлымъ прошлымъ каждый разъ,
И такъ идетъ за часомъ часъ
И слава въ этой тьмѣ блѣднѣетъ,
Терлетъ свой блестящій видъ
И, точно сумерки, глядитъ,
Темнѣе ночи тяготѣетъ
И безпокою каждый взоръ,
Родитъ сомнѣнье и укоръ.

CLXV.

И всѣхъ насъ въ пронасть посылаетъ
Пытать судьбу и узнавать,

Что насъ за гробомъ ожидаетъ,
 И о величїи мечтать
 И съ суетой своей теряться...
 Вотъ въ чемъ должны мы убѣждаться!..
 Былой намъ жизни не вернуть:
 Однажды только носить грудь
 Всѣ муки сердца и страданья,
 И не забьется больше вновь
 Людское сердце; смерзнеть кровь,
 Уснуть бесплодными желанья;
 Мы жить не будемъ никогда,
 Какъ жили въ прежніе года.

CLXVI.

Но, чу! Изъ бездны крикъ раздался,
 Протяжный и ужасный звукъ,
 Какъ будто кровью обливался
 Нараодъ истерзанный отъ мукъ;
 Средь тьмы и бури разверзалась
 Земля и грозно поднималась
 За тѣнью тѣнь; готъ призракъ всталъ—
 То—королева. Не блистала
 На ней вѣнецъ; она стояла
 Съ печалью матери въ глазахъ,
 Блѣдна, прекрасна и въ слезахъ
 Ребенка къ сердцу прижимала.
 Увы! напрасно стала мать
 Къ груди ребенка прижимать!...

CLXVII.

Надежда націй, неужели
 Тебя ужъ нѣтъ, ты умерла?
 Зачѣмъ же смерть тебя взяла,
 Какъ будто нѣтъ иной ей цѣли?
 Однажды въ полночь, послѣ мукъ,
 Ребенка не спуская съ рукъ,
 Ты съ сердцемъ, обограннымъ кровью,
 Склонилась тихо къ изголовью
 И въ этой жизни умерла,
 Съ собой всѣ скорби унесла.
 Когда же ты закрыла вѣжды—

Съ тобой исчезли всѣ надежды,
Которымъ вѣрить былъ готовъ
Народъ имперскихъ острововъ.

CLXVIII.

Крестьянки, ставши матерями,
Здоровый принимаютъ видъ.
А ты, которая блеститъ
Звѣздой межъ всѣми королями,
Ты въ полномъ блескѣ умерла,
Хоть обожаема была,
Была любимицей народа...
Тебя оплакала свобода.
А ты, убитый горемъ мужъ,
Несчастный принцъ—одинъ остался.
Скажи же намъ теперь: въ чему-жъ
Такъ не на долго съ ней вѣнчался?
Лишь на годъ ты надѣлъ вѣнецъ,
Ребенка мертваго отецъ!..

CLXIX.

Костюмъ твой брачный—власяница.
Ребенку твоему дана
Не люлька дѣтская—гробница...
Почила чудная жена!..
Мы ей вѣвряли наши силы,
И нашу славу и умы
И дѣтимъ завѣщали мы
Ей вѣрить до дверей могилы,
И тѣмъ, кто будетъ ей рождень...
Для насъ надежды этой сонъ,
Какъ пастуху въ степи безводной,
Всходилъ звѣздою путеводной;
Но этотъ лучъ для насъ исчезъ,
Какъ метеоръ среди небесъ.

CLXX.

Такъ будемъ сожалѣть съ тоскою,
Но не о ней, а о себѣ; *)

(*) Смерть принцессы Шарлотты была даже почувствована здѣсь (въ Венеціи); Англія должна была быть потрясена ею до самаго основанія.

Она, покорная судьбѣ
 Въ могилѣ вѣтрилась покою...
 Быть можетъ, дерзкій приговора,
 Языкъ измѣны, судъ спѣсивый,
 Оракулъ мстительный и лживый,
 Который съ давнихъ уже поръ,
 Какъ звукъ могильный, раздавался
 Надъ головою королей,
 Пока уставшій отъ скорбей,
 Народъ за мечъ свой не хватался,—
 Капризъ судьбы въ единый мигъ
 Въ прахъ низвергающій владыкъ. —

CLXXI.

Вотъ все, что послѣ, можетъ статься,
 Ее въ вѣкахъ грядущихъ ждетъ.
 Но можно-ль съ этимъ соглашаться?
 Ты, такъ любимшая народъ,
 Такъ молода и такъ прекрасна,
 Жена и мать и... все напрасно!..
 Теперь сковался твой языкъ.
 О, сколько было въ смертный мигъ
 Сердцецъ убито сожалѣньемъ:
 Отъ сердца мужа, до сердецъ
 Всѣхъ подданныхъ!.. Да, твой конецъ
 Пронесся вокругъ землетрясеньемъ
 Въ странѣ, которая тебя
 Тогда оплакала, любя...

CLXXII.

Вотъ Неми, скрыто межъ холмами
 Такъ далеко, что ураганъ,
 Дубъ вырывающій съ корнями
 И поднимавшій океанъ
 Съ грозой до самыхъ тучъ небесныхъ, —
 Не возмущаетъ струй прелестныхъ,
 И тихо озеро стоитъ,
 И холоденъ, спокоенъ видъ,
 Какъ назрѣвающая злоба.
 Оно свернулось, какъ въ клубокъ,
 И спитъ и этотъ сонъ глубокъ

Подобно темной ночи гроба.
 Такъ спитъ ужасная змѣя,
 Отраву страшную тая.

CLXXIII.

Въ долину рядомъ—блескъ Альбано;
 Тамъ Тибра плещется волна,
 Тамъ блещетъ лоно океана,
 А здѣсь Троянская война
 Когда-то жарко разгоралась,
 И здѣсь надъ Римомъ зажигалась
 Звѣзда Трояна; здѣсь лежатъ
 Остатки Туллія; тамъ рядъ
 Высокихъ горъ и полубругомъ
 Они капризно облегли
 Ту часть извѣстную земли,
 Гдѣ въ фермѣ, предъ зеленымъ лугомъ
 Когда-то отдыхалъ поэтъ,
 Пѣвецъ давно минувшихъ-лѣтъ.

CLXXIV.

Мой пилигримъ дошелъ до цѣли.
 Должны разстаться я и онъ;
 Мы все сказали, что хотѣли;
 Послѣдній взоръ нашъ устремленъ
 Впередъ надъ Средиземнымъ моремъ.
 Мы гулу моря вмѣстѣ вторимъ,
 И здѣсь съ вершинъ Альбанскихъ скалъ
 Глядимъ, какъ плещетъ бѣлый валъ.
 Вотъ океанъ, нашъ другъ любимый!
 За нимъ слѣдили долго мы
 До мѣстъ, гдѣ вырасталъ изъ тьмы
 Евксинъ, для глазъ неувомимый,
 Гдѣ и призрачна и сильна
 Взбѣгала на берегъ волна.

CLXXV.

Мы оба вмѣстѣ долго жили,
 Хотя немного этихъ лѣтъ.

Печать страданья сохранили
 И онъ и я, но все же свѣтъ.
 Мы исходили съ нимъ не даромъ;
 И наслажденье съ новымъ жаромъ.
 Вкушать умѣли на землѣ;
 Насъ грѣло солнце въ темной мглѣ,
 Изъ нѣдръ земли и съ дна морскаго
 Мы брали радости однѣ,
 Безъ бурь бѣжали наши дни,
 Какъ будто бы никто сурово
 Не могъ тѣхъ радостей смутить,
 Не могъ насъ горемъ подарить!..

CLXXVI.

О, почему въ глухой пустынѣ
 Съ прекрасной женщиной вдвоемъ
 Я не могу укрыться нынѣ,
 Забывъ людей съ земнымъ ихъ зломъ?
 Стихи! Вы одушевляли
 Меня когда-то въ старину, —
 Хотя бы вы мнѣ это дали:
 Уединенье и жену.
 Созданья милыя! Едва-ли
 На свѣтѣ я не встрѣчу васъ?
 Хоть рѣдко въ жизни, только разъ,
 Но вы предъ смертными мелькали,
 Хоть изрѣдка, но средь земли
 Являгься все же вы могли.

CLXXVII.

Въ лѣсахъ — есть много наслажденья,
 Какъ на пустынныхъ берегахъ;
 Есть музыка и упоенье
 Въ морскомъ волнении и валахъ,
 Привязанъ сильно я къ народу —
 Но больше я люблю природу
 Съ тѣхъ поръ, какъ я ее узналъ.
 Чѣмъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ,
 Она сказала мнѣ и съ нею
 Я всеми чувствами слился,

Ей всей душою отдался;
Хоть чувство выразить не смѣю
Хоть не умѣю передать,
Но не могу о нихъ молчать.

CLXXVIII.

Бѣгите жъ волны океана!
Васъ бороздили корабли
И челобѣкъ — гроза земли
Робѣлъ предъ вами. Громъ, бураны,
Крушенье гордыхъ кораблей —
Вотъ чѣмъ встрѣчали вы людей.
И челобѣкъ, какъ капля въ морѣ
Терялся въ водяномъ просторѣ,
Въ волнахъ безслѣдно пропадалъ,
Потративъ бесполезно силы,
И въ океанѣ умиралъ
Безъ погребенья, безъ могилы,
Безъ скорбныхъ почестей земли,
Отъ милой родины вдали.

CLXXIX.

Слѣдовъ онъ въ морѣ не оставитъ,
Твоимъ волнамъ не страшенъ онъ,
Твоей пустыней онъ не правитъ
И гнѣвъ его морямъ смѣшонъ.
Его тѣ волны презираютъ
И къ облакамъ, порой, бросаютъ
Иль вдругъ уносятъ къ берегамъ,
Къ его пенатамъ и богамъ,
Несутъ до перваго залива,
И выкинуть холодный трупъ
Тамъ, на какойнибудь уступъ,
Гдѣ онъ погибнетъ молчаливо
Среди всеобщей тишины,
Капризной жертвою волны.

CLXXX.

Вооруженій грозныхъ флоты —
Бичи для стѣнъ и городовъ,
Вы, повергавшіе въ заботы

И властелиновъ и рабовъ,
 Вы, ужасающіе страны —
 Въ стальной бронѣ Левиафана,
 Хоть вашей славой міръ весь лавъ —
 Вы — есть игрушки этихъ волнъ,
 Вы таете въ морскомъ просторѣ,
 Какъ снѣгъ, упавшій съ облаковъ;
 И сила грозная лавъ
 Равно страшна въ глубокомъ морѣ
 Для легкихъ лодокъ рыбаковъ
 И для громадныхъ кораблей.

CLXXXI.

Вкругъ государства погибали...
 Афины, Римъ и Карфагенъ!
 Ихъ волны моря омывали
 Во дни свободы, въ дни измѣны,
 Во дни владычества тирана.
 Ихъ парства нани навсегда,
 Лишь только волны океана
 Бѣгутъ, какъ въ прошлые года.
 О, океанъ! ты не старѣешь,
 Ты также юнъ до нашихъ дѣтъ
 Съ тѣхъ дней, когда былъ созданъ свѣтъ,
 Ты неизмѣнный видъ имѣешь,
 Какъ вѣчность, постоянно строишь,
 Какъ вѣчность самая, глубокъ.

CLXXXII.

Въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ, мелькаетъ
 Ликъ всемогущаго творца.
 Всегда, — гроза-ль съ тобой играетъ
 Иль дуетъ вѣтеръ безъ конца,
 Въ полярной стужѣ, въ странахъ знойныхъ,
 Не видя береговъ споломятъ
 Ты, безконеченъ я великъ,
 Веляколѣпенъ, гордъ и дикъ.
 На днѣ твоёмъ явились гады
 И бедны ужасныя чудеса,
 И всѣ земные морса
 Передъ тобой сморяться рады...

Таинственъ, страшенъ и угрюмъ
Бѣжишь ты полный грозныхъ думъ.

CLXXXIII.

Снился я съ дѣтства съ океаномъ;
Я съ дѣтства раннего мечтаю
Подъ раннимъ утреннимъ туманомъ
Тебѣ отдаться, бѣлый валъ;
Съ прибоемъ волнъ твоихъ порою
Любилъ шалить я; пхъ игрою,
Подъ часъ опасной, не смущень,
Глотаю я жадно моря стонъ.
Я былъ дитей твоимъ, казалось,
Я довѣрялъ твоимъ волнамъ,
На гриву волнъ, игравшихъ тамъ,
Я руку клалъ и мѣлъ случалось,
Какъ и теперь, то повторять
И морю жребій свой вѣрять.

CLXXXIV.

Я кончилъ. Пѣснь моя смолкаетъ.
Пора разрушить призракъ сновъ.
Мой факелъ вновь не зажигаетъ
Полночной лампы. Трудъ готовъ.
Онъ могъ быть лучше, но, къ несчастью,
Я ужъ не тотъ; подобно счастью
Мечты неясны для меня,
И въ жилахъ нѣтъ того огня
И нѣтъ былаго вдохновенья,
И пламя прежнее едва
Хранить безцѣльно голова;
Оно—безъ всякаго движенья
Бросаетъ трепетный лишь свѣтъ:
Чѣмъ прежде былъ—того ужъ нѣтъ

CLXXXV.

Прости! Вотъ слово на прощанье.
Близка разлука. Пилигримъ,
Окончивъ длинное сказанье,
Здѣсь шлетъ *прости!* друзьямъ своимъ.
Когда въ ихъ памяти осталось,

Хоть что нибудь, что имъ сказалося —
Онъ радъ, что въ руки посохъ бралъ
И длинный путь свой начиналъ.
Простите! Пусть несетъ страданья
Онъ въ сердцѣ, гдѣ живетъ печаль,
А вамъ оставилъ онъ мораль, —
Мораль отъ этого сказанья:
Съ его моралью, можетъ быть,
Вамъ будетъ легче въ мѣръ жить.

Д. Минаевъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1864.